

За что и с кем мы воевали

Н. А. Нарочницкая*

*Посвящается моей маме —
Лидии Ивановне Подолякиной-Нарочницкой —
партизанке Великой Отечественной войны
и всему ее поколению*

В последние годы, вспоминая о Великой Отечественной войне, уже почти принято говорить, будто бы в войне этой виноват СССР, и Победа была не победой, а поражением.

Война, якобы, велась не за право на жизнь нации, не за сохранение народов в мировой истории, а за американскую демократию.

Этот тезис беззастенчиво тиражируется в западных СМИ. Им оперируют как само собой разумеющимся, в Совете Европы — этом IV либеральном Интернационале, мнящим себя идеологическим ментором и «раздающим сертификаты на цивилизованность». Дерзко оскорбляют Россию прибалтийские страны и Польша.

Но виноваты в этом мы сами. Ибо поругание Победы и истории никогда не было бы начато на Западе, пока оно не было совершено на Родине Победы.

Наш внутренний, почти семейный спор и осуждение реальных и мнимых грехов мы вершили, увы, не с подобающим христианским осмыслением истоков наших взлетов и падений. Подобно библейскому Хаму мы выставили Отечество на всеобщее поругание, за что и терпим теперь кару. Как же коварно была использована неспособность перевернуть страницу истории многострадального XX века, не глумясь над жизнью отцов!

Именно отечественные глумители первыми внедрились суждение, что Советский Союз — еще худший тоталитарный монстр, чем нацистский Рейх. Война же, по их логике, была между двумя хищниками за мировое господство, и СССР, как будто, первым готовился напасть на Германию, но Гитлер просто опередил Сталина. Наш постсоветский либерал, который «нежно чуждые народы возлюбил и мудро свой возненавидел» (как писал Пушкин), уверен, что

у плохого государства не могло быть ничего правильного и праведного.

Но в памяти о войне Отечественной — войне с чужеземцами, пришедшими завоевать и поработить, — споры о том, плохим или хорошим было государство, вообще неуместны. **Беда случилась не с государством, а с Отечеством** (это в гражданской войне решаются споры о государстве).

Любовь к Отечеству заложена в естестве, сердце человека. Ведь любим мы именно свою мать, а не мать соседа, хотя та, может быть, моложе, красивее, образованнее и, как сейчас модно говорить, успешнее...

«Папа, почему написано „Защитим социалистическое Отечество!“», — спросила я, шестилетняя, гуляя с отцом по Гоголевскому бульвару, где жили мы в доме 29, в коммунальной квартире. Была очередная годовщина Победы, и всюду были развешены плакаты военного времени. — «Какая разница, какое оно — Отечество, если враг напал? Разве, если бы немцы на нас до революции напали, мы точно так же не защищались бы?» — Тогда — защищались. Уверена, что мои дед — Иван Демьянович Подолякин — прапорщик Русской Армии, полный Георгиевский кавалер Первой мировой войны, и моя мама — Лидия Ивановна Подолякина — бесстрашная партизанка Великой Отечественной войны, защищали от внешнего врага в 1914 и 1941 одно и то же Отечество, хотя государства были разные, и у разных людей были к ним разные претензии. В нынешнем состоянии национального презрения нам внушают, что можно ненавидеть свое Отечество и даже желать ему поражения, если государство устроено не так, как хотелось бы.

Конечно, проще любить свое Отечество, когда можно им гордиться, когда оно сильно, и все его уважают и боятся. Но именно когда оно повержено

* Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

и лежит, оплеванное, осмеянное, и покинуто всеми, — только тот сын, кто не отвернется, проходя мимо, а закроет собой и оградит от поругания.

Об Отечестве и государстве

Можно ли оставаться верным Отечеству и его извечным преемственным национальным интересам даже тогда, когда все в государстве вызывает критику и разочарование? Бывает ли идеальное государство без несовершенств и грехов?

Когда уместно и правомерно спорить о государстве, а когда нация обязана подняться над этим, отложить распри по поводу устройства государства и объединиться, чтобы защитить Отечество, иначе нечего будет обсуждать потом, не будет вообще никакого *потом*? В этом следует разобраться, так как весь этот круг вопросов затрагивает глубинные основы исторического сознания нации, от которого зависит ее будущее.

Существует прямая взаимозависимость между самопредельством нации и наступлением на позиции страны извне, равно как и между либерально-пацифистскими нападками на родную армию во время войны за территориальную целостность страны и переходом противника к террористическим актам против гражданского населения, не ощущающего связи с армией и борьбы за неделимость Отечества.

Сознание, утратившее связь с почвой и традицией, безрелигиозное, будь то ультрамарксистское, или ультралиберальное — порождает утилитарное, прагматичное отношение к государству. Утрачивается понятие Отечества, питавшее национальное сознание в предыдущие века, которые и явили миру великие державы и великие культуры. Христианское, в особенности, православное сознание рождает совсем иное национально-государственное мышление — ощущение принадлежности к священному Отечеству, которое не тождественно государству — политическому институту со всеми его несовершенствами и грехами. Но такое отношение возникает сначала у глубоко религиозного народа, ощутившего сакральность не только личного, но и национально-государственного бытия как дара Божия, а затем передается в сознании от поколения к поколению.

В национальном самосознании православного почвенного человека главной составляющей является **чувство исторической преемственности, острое переживание принадлежности не только и не столько к конкретному этапу или режиму в жизни своего народа, но и ко всей многовековой истории Отечества и его будущему за пределами собственного жизненного пути.** В этом — преодоление гордыни, а значит конечности, конкретности личного бытия, когда индивидуальное восприятие истории выходит за рамки одной жизни, проявляя в национальном сознании бессмертную природу души.

Именно поэтому русские люди — не только истово верующие, но и православные в душе, пишут

(и мыслят) Отечество с большой буквы, что вызывает презрительный смехок у либералов. Для верующего — Отечество — это дар Божий, врученный для непрерывного национально-исторического активного созидания с его взлетами и неизбежными падениями, которые не отчуждают от Родины даже человека, разочарованного в сегодняшнем положении государства. Такой человек никогда не сможет презирать свою страну и глумиться над собственной историей.

Еще пока многие, слава Богу, произносят слово Отечество с трепетом, хотя немногим понятно, что этот трепет питает, — слова из послания апостола Павла Ефесянам: «... Преклоняю колена мои пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от которого именуется **всякое отечество** на небесах и на земле» (Еф. 3, 14–15). Переживание Отечества — есть производное от переживания Отца небесного.

В переводах на европейские языки этого стиха «отечество» звучит «земля». Вот почему русские князья задолго до того, как сложилось единое общерусское государство и даже русская нация, клялись не своим княжым престолом, а землей русской!

В таком переживании Отечество — это метафизическое понятие, а не обожествляемое конкретное государство с его институтами. Но именно с ним «эту варварскую страну» или «проклятый капиталистический режим» отождествляют и либеральные, и ультракрасные «граждане мира» — ведь у либералов «где хорошо, там и отечество», а у «пролетариев и вовсе нет отечества», кроме социализма.

Историсофия Великой Отечественной войны

В ходе Великой Отечественной войны проявилось, что «унесенные ветром» либералы, в свое время приветствовавшие разрушение христианской империи и революцию как таковую, меньше любили Россию, чем ненавидели «большевиков и Советы». Те просто их обошли и присвоили плоды этой революции. А «унесенные ветром» почвенники, например, А. Деникин, воевавший против большевиков, С. Рахманинов и тысячи других, никогда не симпатизировавших революционным идеям, изгнанные революцией, из-за нее потерявшие Родину, тем не менее, желали победы Красной Армии. Когда к Деникину не официально обратились эмиссары от власовцев с предложением благословить Власовскую армию, он в гневе отверг такое предложение и воскликнул: «Я воевал с большевиками, но никогда с русским народом. Если бы я мог стать генералом Красной Армии, я бы показал немцам!»

Рахманинов до изнеможения давал концерты по всем Соединенным Штатам и пересылал деньги Сталину, после чего его произведения, ранее запрещенные, стали исполняться в СССР.

Для них сохранение любимого Отечества для будущих поколений было выше желания увидеть при жизни крах ненавистного «режима». Любовь оказалась больше ненависти, как и требует христианская

заповедь... Они не отождествляли Россию с «большевицкой властью». А власовцы, похоже, считали, что лучше никакой России, чем Россия большевистская.

Этого не смогли понять и не хотят до сих пор усвоить ни постсоветские прекраснородушные либералы (не прекраснородушные это понимают и всячески стремятся развенчать память о войне), ни ортодоксальные ленинцы, ни, как это ни парадоксально, кипящая ненавистью к ним та часть русской эмиграции, именуемая себя белой, которая тщится морально и исторически обесценить Великую Победу и оправдать власовщину. Новый виток этих попыток мы наблюдаем и сейчас.

Нельзя оправдать власовщину

Даже беглый взгляд на сложную мотивацию эмигрантов, — чье решение в меньшей степени было определено обстоятельствами личных перипетий судьбы (казаки и некоторые другие), — связавших себя с власовцами, показывает: размежевание, за некоторыми исключениями, прошло именно по линии: либералы и почвенники. Для либералов, как и для пламенных ультралевых большевиков, важнее соответствие устройства государства некой универсальной доктрине, для почвенников — сохранение вечного Отечества, даже при «неудобном государстве».

Не будем судить солдат власовской «армии» по отдельности — среди них оказались не только банальные предатели, но несчастные, морально сломленные люди со сложнейшей личной судьбой.

Но сам генерал Власов подлежит суду историческому, ибо взял на себя ответственность за других и предлагал им историческую цель. И приговор ему уже сделан. В истории он останется предателем, помогавшим врагу терзать и убивать Родину-мать. Не менее важно дать ответ поклонникам и адвокатам Власова из русского зарубежья. Они желали победы оккупантам и поражения собственному правительству — точно повторяя подход и мышление В. И. Ленина в 1914. Протоиерей Александр Киселев из Русской Зарубежной Православной церкви, благословлявший этого генерала, в своей апологетической книге «Облик генерала А. А. Власова» не дает какой-либо убедительной аргументации для оправдания предательства. Похоже, священник тоже не отличил государство — политический институт — и **Отечество, которому угрожало исчезновение.**

Сам Власов в пропагандистских обращениях обосновывал свою измену разочарованием «в большевицкой власти», которая «не оправдала те чаяния, которые с ней связывали...». На это с благоговением ссылается Е. Вагин в глумливой статье о пятидесятилетии победы в мюнхенском журнале «Вече» (№ 55, 1995).

Оба автора, похоже, не осознают, что именно с позиций «белого» патриотизма А. Власов более всего и развенчивает себя сам. Как белый патриот мог иметь «чаяния» в идеях революции, которые,

именно в начале и в наибольшей степени содержали и демонстрировали антихристианские и антирусские цели? Пожалуй, лишь генерал Краснов с его казачьей армией могут вызвать скорбное сострадание их судьбе — быть раздавленными жерновами истории — для них гражданская война не кончалась...

Столь же абсурдны, сколь морально удручающи рассуждения о лучшем исходе для русских в случае завоевания фашистской Германией. Гитлер имел план Ост — сокращение европейского населения СССР, то есть русских, белорусов и украинцев — славянских народов — на 40 процентов, насильственное перемещение рабской рабочей силы.

Также смешны и рассуждения теоретиков Народно-Трудового союза о временности союза с Гитлером и будущей борьбе жалких формирований Власова (танки и пушки откуда возьмутся?) уже против Рейха и его колоссальной военной машины. Даже, если бы СССР, освободив свою собственную территорию, заключил бы сепаратный мир с гитлеровской Германией, то у Германии под полным контролем оставалась еще не только своя достаточная сила, но и совокупная мощь всей поставленной на службу рейху Европы. Чтобы ее сломить до конца, потребовались десятки миллионов жизней и четыре года невиданного духовного и предельного физического напряжения.

И, наконец, главное, — нравственная и мировоззренческая сторона вопроса: исторически невозможно оправдать попытки развязать войну гражданскую за спиной войны Отечественной. **Ибо против чужеземцев, пришедших превратить нацию в рабов, «сожрать ее пшеницы груды и высосать ее моря и руды», любой народ во все времена сражается только и только за Отечество, какие бы символы ни были на знаменах.**

Народно-Трудовой союз (НТС) — зарубежную эмигрантскую опору власовцев — некоторые сегодня в России пытаются представить рупором всей старой русской эмиграции. Но по свидетельству внука великого писателя — Н. И. Толстого, выросшего в русской среде довоенного Белграда, 80–85% эмигрантов, ненавидя большевизм, сочувствовали Красной Армии, потому что страстно переживали за Родину, которую топтали чужеземцы. «Пораженцев» было не более 15–20%. Они-то в «холодной войне» и стали на сторону «мировой закулисы», как и сам НТС, который поначалу объединял пламенных патриотов России. Их деятельность именно **после мая 1945-го** стала исторически абсурдной.

В это время прозорливые уже понимали подоплеку мировых процессов и чувствовали, что **после Великой Отечественной войны Запад боролся уже не с коммунизмом, который остался лишь инструментом соблазна для постколониального мира, а с геополитически преемственным ареалом исторического государства Российского.** Это обрекало все заграничные русские структуры с политическими целями вольно или невольно оказаться под колпаком

западных спецслужб. Как бы искренни ни были их члены, эти организации и их деятельность против СССР не только не могли способствовать «освобождению» России от «большевизма», но, став инструментом могущественных антирусских сил, лишь помогли обрушить ее с трудом устоявший каркас.

Однако тезис, что не русский народ, а лишь «большевики» и подневольные сражались с фашизмом за мировое господство, продолжал внедряться в сознание в течение десятилетий, чему служит и проникшая в посткоммунистическую Россию пропаганда НТС. В такой интерпретации «ярость благородная» обесмысленна, а война перестает быть опорной точкой национального сознания, ибо у русских в XX веке вместо национальной истории остается лишь погоня за ложными идеалами. Однако, сами стратеги западной политики хладнокровно оценили, что война стала *Отечественной*, изменила сознание в коммунистической России и *воссоединила в душах людей, а, значит, потенциально, и в государственном будущем разорванную, казалось навеки, нить русской и советской истории.*

При исследовании процессов в общественном сознании нельзя обойти тот факт, что в годы Отечественной войны в КПСС вступила огромная масса людей, по своему происхождению и сознанию (крестьяне) отличавшаяся от ранних большевиков, замышлявших мировую революцию в женевских кафе, для которых Россия была «вязанка хвороста» **в великом пожаре планетарных классовых битв.**

Второе «советско-партийное» поколение значительно выхолостило ортодоксально-марксистские основы воззрений на отечественную историю и развитие мира, ибо связало с коммунистическими клише собственный традиционализм. Они инстинктивно искали совмещения с марксизмом естественного побуждения человека созидать на своей Земле, а не разрушать ее во имя всемирных революционно-прогрессистских абстракций. Строительство «коммунизма» парадоксально стало «продолжением» русской истории, что вызвало бы (доживи они) ярость Ленина и Троцкого.

Этому второму советско-партийному поколению менее всего за весь XX век было свойственно «западничество» в какой-либо форме. Благодаря этому военному поколению, вдохновленному духом мая 1945-го, был смещен акцент с «внутренней классовой борьбы» на единственно возможный тогда (вместо русского) «советский» патриотизм. Именно это, в сочетании с осязаемыми итогами Великой Победы, не устраивало Запад.

Западу было чего опасаться. Российское наследие было препарировано и инкорпорировано в советскую государственную доктрину, уже сильно отличавшуюся от замыслов пламенных революционеров ленинско-бухаринско-троцкистского типа. Многие работы основоположников были заперты за толстыми стенами ИМЭЛа. Третий Интернационал в итоге оказался в гостинице «Центральная» под домашним арестом, в КПСС наметилось негласное противоборство на-

ционально-державной и космополитической линий, за которым пристально следили спецслужбы США, а также внутренние носители антирусского начала. (Красноречивым свидетельством бдительного и весьма профессионально организованного отслеживания ростков русской мысли и духа и малейших колебаний партийной идеологии служит «аналитическая сводка» о состоянии современного русского самосознания и о так называемой «русской новой правдой»¹).

Как ни малы и объективно ограничены ни были эти колебания в рамках господствовавшей идеологии, одна лишь возможность выживания не то что ростков — семян русского самосознания — таила страшную опасность для антирусского проекта XX века. Его творцы чувствовали себя спокойно лишь при полном вытравливании этих семян.

Сколько бы русские ни спорили о войне, суждения и деятельность титанов западноевропейской политики — Черчилля, де Голля и других, вся западная стратегия и, наконец, обширная зарубежная литература по международным отношениям свидетельствуют: после мая 1945 года Советский Союз в западном мире рассматривался как «опасная», а сочувствующими силами мира — как обнадеживающая геополитическая предпосылка к потенциальному восстановлению России.

В общественном сознании противостояние Запада и СССР после войны намеренно было сведено исключительно к демагогии о борьбе коммунизма и демократии. Это было нужно для того, чтобы потом обосновать **правомерность замены итогов Второй мировой войны, которую СССР выиграл, на итоги «холодной войны», которую СССР проиграл, причем проиграл в роли носителя коммунистической идеи.**

Идея и носитель были повержены с афишируемым треском. Теперь задумаемся: ведь это ликование на Западе странно не соответствовало абсолютной безвредности идеи коммунизма для Запада в силу ее уже полной непривлекательности в конце XX века. Празднование «одоления империи зла» связано с тем, что под видом коммунизма, казалось, удалось еще раз похоронить в зародыше потенциальную возможность исторического возрождения России. Для Запада и внутренних постсоветских либералов-западников надо было сделать так, чтобы под флагом прощания с тоталитаризмом вышвырнуть отеческие гробы вовсе не советской, а многовековой русской истории.

Для чего нужно поругание победы

Когда Россия выходила из-за железного занавеса, весь мир не без корыстного интереса ждал, что же скажет страна Достоевского на вызовы XXI столетия, сумеет ли она с национальным достоинством переосмыслить свою историю, с чем пойдет в будущее. Вместо формулирования национальных идеалов за пределами материального, вместо подлинного исторического проекта постсоветские идейные гуру перестройки прорыдали: «Рынок, PEPSI» и всю свою энергию обрушили на обличение собственной истории.

Приходится сделать вывод, что не только марксизм-ленинизм в 1914–1918, но и диссидентство сыграло в жизни Отечества зловещую роль. Как и любое протестное движение, диссидентство было питаемо реальными противоречиями, бедами и грехами государственной жизни. Но, как и ортодоксальный марксизм первых большевиков, диссидентство, за исключением небольшого национального отряда, сразу распознанного и преданного остальными, было формой отторжения русского исторического и духовного опыта. Поэтому оно оказалось инструментом разрушения государства и мировой политики. Постсоветские либералы, выпестованные на демократической платформе КПСС, диссиденты, шестидесятники, подобно первым большевикам, полностью утратили связь с чем-либо национальным вообще. Мнимые борцы с коммунизмом, они боролись не с антирусским революционным замыслом о России, а с собственной государственностью.

Растеряв свои положительные идеалы, мы на время остались только с чувством неуважения к своему прошлому, со знанием лишь того, чего уже не хотели в будущем, во что уже больше не верили. И нация, упоенно развенчивавшая грехи государства в эпоху безвременья и смятения личного и национального самосознания, позволила распять свое Отечество.

Пока Россия демонстрировала неспособность найти согласие ни по одному вопросу своего прошлого, настоящего и будущего, весь остальной мир пожинал плоды нашего национального нигилизма и безверия.

Но история, награждающая за покаяние, не прощает самопредательства. Большевики уже пытались упразднить ошельмованную тысячелетнюю русскую историю до 1917. В наказание на них обрушились «братья по классу» во вражеской военной форме, и страна в 1941 возопила о помощи к своей преданной истории, которая простила на первый раз и вдохнула дух национального единства. Иные большевики от либерализма глумятся над Великой Отечественной войной и жизнью отцов, и трагедия 1917 вновь повторяется в конце века:

С Россией кончено, на последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах.
Не надо ли кому земли,
Республик да свобод?
И Родину народ,
Сам выволоч на гноище как падаль...
О, Господи! Разверзни, расточи!
Пошли на нас огонь, язвы и бичи!
Германцев с Запада, монгол с Востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!»

(М. Волошин, 1917)

Германцы уже были...

Право на будущее имеет только тот, кто уважает свое прошлое. История всегда находит путь преемственности, и поэтому ее нельзя разделить, нельзя зачеркнуть в ней ни одной страницы, даже трагической и печальной.

Почему противникам возрождения российской державности выгодно, чтобы не было преемственности русского и советского исторического сознания? Этим достигаются фундаментальные цели:

- в такой интерпретации война перестает быть Отечественной, а, значит, у русских в XX веке нет национальной истории, нет легитимной государственности, следовательно, правомерны любые внешние вмешательства и внутренние мятежи, и сепаратизм.
- **во-вторых, идея, что СССР в его битве с гитлеровским рейхом был таким же преступным государством, служит изменению смысла войны и праву пересмотреть итоги Ялты и Потсдама.**

Эта война якобы велась союзниками не за жизнь, не за историческое существование европейских народов, которым угрожала физическая гибель и прекращение национальной жизни, а исключительно за торжество американской демократии. Не случайно, именно в период подготовки расчленения СССР — в 1970–1980-е гг. — в общественное сознание как Запада, так и России внедрялось суждение о тождестве всемирных целей Гитлера и Сталина, о войне как схватке двух тоталитаризмов, соперничавших за господство. И вот уже Суворов — не Римникский, Румянцев — не Задунайский, Потемкин — не Таврический, Паскевич — не Эриванский, Муравьев — не Карский, Дибич — не Забалканский. Россию оттесняют с морей, говорят, что русским не принадлежит ни пяди земли, которую они полили своей кровью и которой дали свое имя.

Как поздно заметили, что, избавляясь от надоевшего всеисилья косной КПСС, под либеральной и антикоммунистической фразеологией сохранили и даже вновь заострили марксистскую нигилистическую интерпретацию всей российской истории. Пафос обличения «тюрьмы народов» мог по силе ненависти к русской истории сравниться лишь с двадцатыми годами потому, что воспроизводил давно забытые поношения России троцкистами и бухаринистами. Как отечественные «либералы», так и Запад подвергли наибольшему поношению в советском периоде именно спасительный отход от ортодоксального марксизма и элементы исторической преемственности в общественном сознании, в оценке национальных интересов, мало зависящих от типа власти.

Не многих насторожило, что **Запад приветствовал разрушение советской державы теми же словами, которыми приветствовал разрушение державы Российской.** Ведь когда в России грянула большевистская революция, и страна временно распалась, якобы антикоммунистическая Америка это

приветствовала — загадочный alter ego президента В. Вильсона, полковник Хауз посоветовал ему «заверить Россию в нашей симпатии к ее попыткам установить прочную демократию и оказать ей всеми возможными способами финансовую, промышленную и моральную поддержку».

Именно на фоне первого распада России США провозгласили первый универсалистский проект перестройки мира на основах «демократии и общечеловеческих ценностей» — Программу из XIV пунктов. Программа президента США Вудро Вильсона формально провозглашала единство России. Но фактическим автором документа был загадочный помощник — полковник Э. Хауз. Расшифрованный в «Архиве полковника Хауза» пункт 6, посвященный России, гласил: «Россия слишком велика и однородна, ее надо свести к Среднерусской возвышенности... Перед нами будет чистый лист бумаги, на котором мы начертает судьбу российских народов». Этот план предполагал на территории Российской империи **«признание де-факто существующих правительств» и «помощь им и через них»** — Украинскую Раду, оккупированные кайзеровскими войсками Эстонию, Латвию, Литву, а также отдельно и большевиков, и белых как и вывод из самопровозглашенных территорий **«всех иностранных войск»** — (в том числе и Белой, и Красной армий, могущих восстановить единство страны). **Это означало не что иное, как международное признание и закрепление расчленения исторической России.**

Когда двигатель «свободы и демократии» в Москве, Киеве и Тбилиси президент Буш-старший, пообещав признание Украине, благословил Беловежские соглашения, когда США признали Грузию, не дожидаясь легитимизации тбилисского режима, невольно вспомнились времена Брестского мира, Хауз и В. Вильсон с их Программой из XIV пунктов, план Ллойд-Джорджа по расчленению России, попытка признать сразу все «де-факто» существующие правительства на территории «бывшей» Российской империи.

Под аплодисменты поборников демократии и прав человека и под флагом прощания с тоталитаризмом были сданы вехи и итоги вовсе не советской, а трехсотлетней русской истории! Кто вспоминает сегодня, что 2004–2005 гг. — это 150-летие Севастопольской обороны и Крымской войны? Где Ништадтский мир, кто помнит о Полтаве?

И когда Россия, наконец, осознала, что выходы к морю, судоходные реки и незамерзающие порты одинаково нужны монархии XVIII века и демократии XXI-го, а с помощью блоков и союзов проходят через проливы не только имперские пушки, но и танкеры с нефтью, давление на некоммунистическую Россию, по сравнению с большевистским СССР, многократно возросло.

Нынешнюю прозревающую и восстанавливающую свое национальное сознание и духовный стержень Россию стали обвинять в отступлении от «демократии».

История на службе политики

Наступает черед и последней святыни — Великой Победы в Великой Отечественной войне. Либералы-западники упорно навязывают нам версию о воевавших двух идеологических монстрах, равно угрожавших мировой демократии. Но ведь это зеркальное отражение всего лишь вульгарно-марксистской интерпретации, которая проявлялась в хрущевские времена: тезис о том, что СССР вел войну не с Германией, а лишь с «социально-классовой системой фашизма». Это забвение нам дорого обошлось — разрушением национального самосознания.

Ставшие лимитрофами Латвия и Эстония, Польша и Чехия празднуют освобождение Освенцима и оскорбляют его Освободителя — того, кто спас Европу и, прежде всего, их самих от нацистского порабощения, от превращения наций в безликий человеческий материал без языка и культуры, без грехов и достижений, — без истории.

Нашумевшая недавно книга «История Латвии», которую президент Латвии Вайре Вике-Фрейберге торжественно вручала государственным деятелям, вряд ли когда-нибудь удостоилась бы внимания, если бы не выполняла определенную роль. Без ссылок на документы, произвольно опускающая и акцентирующая события и факты, она явно написана для иностранцев и напоминает местами справочник-путеводитель по этнографии и истории «маленького, но гордого народа», пострадавшего от имперской угнетательницы России и тоталитарного СССР. Такой идеологической заданностью книга вызывает аналогии со статьями в Большой Советской Энциклопедии времен известного единомыслия.

Однако, презентация этой книжки на официальной церемонии в Освенциме не случайна, как впрочем, и финансовая помощь международных фондов, а также посольства США в Латвии в лице некоей «Комиссии по демократии». Книга «История Латвии» — это не просто неприятный эпизод в двусторонних латвийско-российских отношениях.

На самом деле это — «справочник-путеводитель» по истории XX века, вернее, пособие по новому ее прочтению. С предисловием Президента страны книга обретает официальный статус и становится первым официальным вызовом интерпретации Второй мировой и Великой Отечественной войны. Тиражируемый до сих пор, в основном, в СМИ, образ двух тоталитарных монстров, попеременно порабовавших народы вплоть до сегодняшней эры вселенской демократии, становится инструментом международной стратегии, которая должна увенчать все, достигнутое Западом в последние 15 лет.

Стратегия заключается в полной и окончательной демонизации коммунистического «сталинского» СССР. Для этого нужно отождествить коммунистический Советский Союз с гитлеровским нацистским режимом, привести уже несуществующий СССР задним числом к некоему виртуальному Нюрнбергскому

процессу и уже открыто объявить Ялтинско-Потсдамскую систему — итогом борьбы равно отвратительных тоталитарных режимов, результатом «пакта Молотова–Риббентропа», с которым Запад вынужден был временно смириться.

Следующий этап — обесценивание подписи СССР под важнейшими международно-правовыми актами и всем юридическим основанием территориальных реалий и военно-стратегических симметрий, включая оставшуюся договорную систему вооружений и Устав ООН с его принципами невмешательства и суверенитета, отторжение Калининградской области, вытеснение России с Балтики, Черного моря и Тихого океана.

Противодействие этой стратегии накануне 60-летия Великой Победы — есть не дань оскорбленной гордости, а неперемное условие сохранения России как самостоятельного и значимого субъекта международных отношений, что должно стать задачей ответственного политического руководства и всего общества.

Территория Советского Союза — территория исторического государства Российского

Следует осознать, что демонизация «сталинского СССР» осуществляется вовсе не из моральных побуждений, иначе пришлось бы осудить и В. И. Ленина, поскольку по массовости и жестокости репрессий (не без помощи латышских стрелков) ленинский период был не лучше. Однако Ленина Запад всегда щадит, по-видимому, в благодарность за сокрушение Российской империи. Документы, касающиеся позиции США и Британии в отношении охваченной гражданской войной России, неопровержимо свидетельствуют не о цели сокрушить советскую власть, а о нежелании восстанавливать территорию Российской империи, о закулисной игре прежде всего США с большевиками, о попеременном сотрудничестве союзников то с Красной Армией против Белой, то наоборот, закончившимся, в целом, предательством Антантой именно Белой Армии.

Записи заседаний «Совета» Антанты в ходе подготовки Версальского мира 1919, переписка эмиссаров США по русскому направлению с Государственным департаментом, документы Комиссии по иностранным делам Сената США показывают ориентацию Британии и США на закрепление отделения от России, прежде всего, Прибалтики и Черноморских регионов. Англичане появились в Прибалтике в декабре 1918 после ухода отсюда немцев. Посаженные еще немецкими штыками для германских целей, прибалтийские самопровозглашенные режимы, никем не избранные, быстро переориентировались на Британию. В августе 1919 английский эмиссар потребовал от белого Северо-Западного правительства при генерале Юдениче «признать эстонскую независимость, иначе Антанта прекратит помощь». Помощи

не последовало даже в дни наступления Юденича, а «независимое» эстонское правительство, в ответ на просьбу белых о помощи, ответило, что «было бы непростительной глупостью со стороны эстонского народа, если бы он сделал это».

Тщетно последний русский посол в Вашингтоне Бахметьев направлял Государственному департаменту перечень условий для России при разработке мирного урегулирования, в который входили «безоговорочное аннулирование Брест-Литовского договора и других соглашений, заключенных Германией после 7 ноября 1917 с властями, действующими от имени России или политическими и национальными группировками, претендующими на власть в любой территории бывшей Российской империи»³.

В это время молодой А. Даллес (вместе с братом Дж. Ф. Даллесом участвовавший в разработке американской позиции) шлет из Прибалтики совсем другой план, предлагая немедленно воспользоваться провозглашением независимой Литвы и антирусскими настроениями Ю. Пилсудского. Даллес подчеркивает «необходимость срочной военной помощи», с тревогой сообщая, что «литовское правительство (Тариба) отошло на Запад от Вильно к Ковно, а в Вильно сформировалось советское правительство»⁴.

Британия — союзница России — фактически признает Латвию, поскольку ее представитель в Лондоне британец Г. Симсон передает послу США «протест от имени временного правительства Латвии в связи с тем, что германские войска вопреки статье XI Компьенского перемирия покидают Латвию, оставляя ее открытой для занятия красными или белыми войсками, которые под разными флагами могли объединить страну»⁵.

Но Антанта так и не признала ни одно из белоэмигрантских правительств России, в связи с чем А. И. Деникин горько отмечал, что одновременно «они охотно и торопливо признавали все новые государства, возникшие на окраинах России». А Польша? Ведь Ю. Пилсудский остановил Буденного только с помощью Врангеля, ударившего в тыл большевикам. Но, когда большевики, заключив Советско-польский договор, перебросили войска на юг, ни поляки, ни французы помогать белому Крыму не стали, а Пилсудский цинично заявил: «Пусть Россия еще погнет лет 50 под большевиками, а мы встанем на ноги и укрепим»⁶.

Общий тон английской политики был определен самим Ллойд Джорджем в английском парламенте, когда он прямо сказал, что «сомневается в выгодности для Англии восстановления прежней могущественной России»⁷. Антанта вовсе не боролась с советской властью как таковой, хотя и сдерживала проникновение революции в свои страны, а искала возможность закрепить уменьшение геополитической величины, каковой была Российская империя.

У внешнеполитического представителя Деникина в Европе — С. Сазонова (министра иностранных дел России с 1914 по 1916) — были сведения касательно

«грандиозного плана Англии, имевшего целью расчленение России. Балтийские государства должны были окончательно отрезать Россию от Балтийского моря, Кавказ должен быть буфером, совершенно самостоятельным от России, между нею и Турцией и Персией таким же самостоятельным должен был стать и Туркестан, чтобы раз и навсегда преградить путь в Индию. Персия попадала целиком под власть Англии, а «независимость» Кавказа, Туркестана и Балтийских государств ограничивалась бы практическим протекторатом Англии над этими областями». Подобные очертания промелькнули в некоторых англосаксонских эскизах послевоенных конфигураций в ходе Второй мировой войны, перечеркнутых победой Советской армии. Этот план — прообраз событий на постсоветском пространстве после 2000 года.

Итак, осудив Ленина, пришлось бы сочувствовать Великой России — «единой и неделимой», а она-то и есть первый предмет ненависти; сталинский СССР после мая 1945 — всего лишь второй, и вовсе не из-за репрессий, ненавистных и нам самим, а из-за победной державности. Поэтому ленинская Советская Россия, в которой убивали священников и рушили церкви, расстреливали крестьян и гимназистов без всякого суда и следствия, не вызывает осуждения. В. Ленин ведь был западником, а большевизм — формой отторжения не только всего национального русского, но и всего державного — российского. Для Ленина Европа должна была найти образцовое воплощение в революционной России.

«Сталинизм» же, если оценивать идеологическую особенность его исторической философии по сравнению с ранним большевизмом, сохранял революционное отторжение православно-русского мировоззрения, но осуществил некую инкорпорацию «российского великодержавного». Это произвело мутацию марксизма на почве русского сознания масс и позволило возникнуть «духу мая 1945 года». С ним советское великодержавие достигло уровня системообразующего элемента мирового устройства. Во второй половине XX века западная историография в ответ прочно и окончательно привязала клише «советский империализм» к русской истории.

Реакция окружающего мира на преодоление максималистских установок раннего ортодоксального большевизма была отрицательная! Восстановление традиционных ориентиров внешней политики СССР вызывало еще большее противодействие Запада, хотя идея мировой революции ему как раз уже не грозила. В ответ на рецидив великодержавия сразу стали искать корни «сталинского деспотизма» не у Робеспьера, Томаса Мюнцера или Иоанна Лейденского — родоначальников революционного террора, даже не у Петра Великого, но у Ивана Грозного и Чингисхана, хотя большевиков Октября 1917 первоначально рассматривали как «наследников Просвещения и Великой Французской революции», закрывая глаза на их революционный террор.

В отличие от отечественных исследователей западные историки всегда были осведомлены о сущности коллизии между Троцким и Сталиным. Именно «деленинизация» революции, но не репрессии, которые масштабно велись при Ленине, вызывает неприятие послеленинского периода в СССР. Что может быть красноречивее, чем добросовестное признание мангеймского профессора-советолога Э. Яна, исследовавшего нюансы именно западной советологии: «Чем менее рабочий класс за пределами Советского Союза проявлял себя как революционная сила, тем более увеличивалась традиционная дистанция между Россией и Европой». «Русификация советского представления об истории еще более углубляла пропасть между образами «полуазиатской» России и Европы... **Здесь до сего дня находятся точки соприкосновения сталинизма и постсталинизма с дореволюционным антизападничеством славянофильством**»⁸.

Именно последняя оценка как нельзя лучше характеризует содержание, которое вкладывает либерально-западническое сознание, как за рубежом, так и в сегодняшней России в термины «сталинизм» и «постсталинизм». Это добавление весьма красноречиво — этим термином уже очевидно обозначено вовсе не зловещее время репрессий, как раз роднящее Ленина и Сталина, а некая историко-философская аксиоматика интерпретации мировой истории, в которой российское великодержавие перестает быть бранным словом. Это вполне соответствовало духу позднесоветской космополитической интеллигенции, которая ненавидела Сталина не столько за репрессии, где он не был первым, как за его «великодержавный шовинизм», хотя в этом не признавалась.

Но в свое время все эти изменения были немедленно замечены русской эмиграцией и даже побудили некоторых сделать, увы, преждевременный вывод об уничтожении марксизма и отставке коммунизма. Так, Г. Федотов — социолог и философ либерального направления, откликавшийся в эмигрантских изданиях на все нюансы советской жизни 30-х годов, — даже счел идеологические изменения долгожданной и подлинной «контрреволюцией», справедливо полагая, что ленинско-троцкистские идеологи должны быть чрезвычайно разочарованы.

Он отмечал возвращение людям национальной истории вместо вульгарного социологизма ортодоксального марксистского обществоведения и полагал, не без оснований, что несколько страниц ранее запрещенных Пушкина и Толстого, прочитанные новыми советскими поколениями, возымеют больше влияния на умы, чем тонны пропаганды коммунистических газет. Любопытно, что Г. Федотов с удовлетворением комментировал в парижской «Новой России» (№ 1, 1936) «громкую всероссийскую пощечину», которую получил Н. Бухарин, редактор «Известий», за «оскорбление России».

Бухарин — один из пламенных ультралевых большевиков по мировоззрению и активности

в погромах традиций русской жизни и литературы. Ведущий американский советолог Стивен Коэн с очевидной тоской называет именно его «последним русским большевиком», «последним русским интернационалистом» — «альтернативой сталинщине». В статье, посвященной памяти Ленина 21 января 1936 года, Бухарин назвал русский народ «нацией Обломовых», «российским растяпой», говорил о его «азиатчине и азиатской лени». Неожиданно, за свои совершенно ортодоксальные марксистские сентенции Бухарин получил резкую отповедь. Газета «Правда» назвала его концепцию «гнилой и антиленинской», а сама воздала должное русскому народу не только за его «революционную энергию», но и за гениальные создания его художественного творчества и даже за грандиозность его государства.

Г. Федотов писал, что русскому исследователю, должно быть «совершенно неинтересно, смог или не смог оправдаться Бухарин перед судом ленинского трибунала», созданию которого сам Бухарин так способствовал. Действительно, в этом он, подобно Троцкому, совсем не раскаивался, о чем говорит его предсмертное письмо к Сталину из камеры. В нем он пишет об «искренней любви к партии и всему делу», с пониманием относится к периоду репрессий и даже готов поработать на это замечательное дело «с большим размахом и с энтузиазмом» в Америке, «перетянуть большие слои колеблющейся интеллигенции», вести «смертельную борьбу с Троцким». Бухарин даже предлагает послать для слежки за ним квалифицированного чекиста, а «в качестве дополнительной гарантии на полгода задержать здесь жену», «пока я на деле не докажу, как я бью морду Троцкому и К»⁹.

Интересна та сторона расправы над Бухариным, в которой именем одного демона революции — Ленина другой демон революции — Сталин «сводил счеты с самим Лениным». По мнению русской эмиграции, вполне обоснованному, бухаринская «гнилая концепция» была как раз чисто ленинской, но также имела за собой почтенную историческую давность, восходя к Салтыкову-Щедрину, Белинскому и Чаадаеву, то есть всем поколениям «ненавидящей и презирающей» просвещенной интеллигенции¹⁰.

После мая 1945 года СССР восстановил территорию исторической России и вновь стал великой державой. Но что бы ни писали о русском империализме и отечественные, и зарубежные авторы, общим итогом последних десяти веков остается неоспоримый факт — с XI до XXI столетия именно Запад с острием из восточноевропейских католиков постоянно продвигался на Восток, а рубежи колыбели русской государственности едва удерживались, да и то с переменным успехом. «В результате татарского ига Русь потерпела убытки, в конце концов, не столько от татар, сколько от западных соседей, не преминувших воспользоваться ослаблением Руси, для того, чтобы отрезать от нее и присоединить к западно-христианскому миру западные русские земли

в Белоруссии и на Украине. Только в 1945 году России удалось вернуть себе те огромные территории, которые западные державы отобрали у нее в XIII–XIV веках»¹¹.

Ялта и Потсдам уравнивали всего лишь давление Запада, сделав на пятьдесят лет сферой влияния СССР всю территорию Восточной Европы и, как отмечал А. Тойнби: «Запад впервые за тысячу лет ощутил на себе давление России, которое она испытывала все века от Запада»¹².

И в этот период не только Венгрия — союзник Гитлера, но и Польша, Чехословакия, спасенные русскими от истребления фашизмом или от уготованной им участи слуг для хозяев предполагаемого рейха, оказались куда менее надежными членами советского блока, чем даже побежденные и разделенные немцы. ЦРУ в своих оценках потенциальной лояльности СССР в годы холодной войны, ставило на антирусские настроения, в основном, в Польше и Венгрии, несколько меньше — в Чехии¹³. Если немцев Горбачев буквально вытолкнул к их западным братьям, то поляки, венгры и чехи не желали мириться со своим положением сателлитов СССР и бунтовали против европейского порядка, санкционированного не только Сталиным, но и Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, забыв о Судетах и линии Одер — Нейссе, — даре Советского Союза, оплаченном кровью русской армии.

Эти страны, включая славянские Чехию и Польшу, недвусмысленно одобрили бомбардировки НАТО сербских позиций в Крайне и Боснии и безоговорочно вступили в Североатлантический альянс в тот самый момент, когда НАТО в нарушение всех правовых норм готовила удары против Югославии, против сербов, которые никогда в истории не выступали против них, против Белграда, который в свое время осудил ввод советских войск в Чехословакию.

Но более угодные либералу Гавелу демократы — судетские немцы — уже начали сравнивать себя с косоварами. Повторение из века в век геополитической закономерности антироссийской политики восточноевропейских католиков, независимой Польши, побуждает относиться к этому серьезно.

Заметим, что все русофобские штампы о России как о тюрьме народов, заимствованы у Маркса и Энгельса. Наибольшему поношению в советском периоде подвергаются спасительные для нации отступления от ортодоксального марксизма и восстановление критического минимума традиционных понятий о государстве.

Пора напомнить, что все территории России — и Крым, и устье Дуная, и Закавказье, и Прибалтика — были собраны до революции. Потемкин стал Таврическим, Суворов — Рымникским, Румянцев — Задунайским, — не при Сталине, а при Екатерине Великой.

До революции территорию России никто не оспаривал. Она считалась абсолютно бесспорной и легитимной, выросшей в полном соответствии

с юридическими нормами своих эпох. Именно революция сделала эту территорию оспариваемой, и можно с уверенностью утверждать, что не будь ленинского Брестского мира, не было бы сегодня НАТО в Прибалтике.

Итак, именно советское великодержавие и восстановление территории исторической России нужно обесценить и окрасить в черные тона. Но как?

Увязав с репрессиями.

Заметим, не только в первое десятилетие после революции, но и в пресловутый сталинский 1937, СССР не был великой державой, он едва справлялся с давлением окружающего мира. Следовательно, советское великодержавие оплачено вообще не революционно-коммунистическим проектом как таковым, не репрессиями как ленинского, так и сталинского периода, хотя нельзя их отрицать — они осуждены нами самими сполна,

Великодержавие в СССР воссоздано жертвенной борьбой против гитлеровской агрессии и «духом мая 1945», Ялтинско-Потсдамской системой. А войну СССР выиграл не как носитель коммунистической идеи, а в своей ипостаси Великой России.

Целили-то вовсе не в коммунизм

Периодические попытки Запада и либералов развенчать память о войне свидетельствуют о том, что эта память — есть важнейший краеугольный камень преемственного национального сознания, мешающего растворению России. В последние годы эти пути становятся более изощренными, но не менее последовательными и упорными. Прямые атаки не увенчались успехом даже в период тотального нигилизма конца 1980 — начала 1990-х годов. Тогда нация с увлечением раздавала поруганные отеческие гробы своей тысячелетней истории под флагом прощания с тоталитаризмом. Потом стали говорить, что «целили в коммунизм, а попали в Россию». Нет, целили именно в Россию, используя как предлог и инструмент, надоевший всем коммунизм.

Чувство самосохранения все же возобладало и интуитивно отвергло поругание Победы. Однако ядовитые комментарии, упорные рассказы о «заградотрядах», якобы стрелявших повсеместно в спину бойцам, которые без этого обязательно сдались бы в плен, до сих пор появляются. И не только к 22 июня и 9 мая, но и сопровождают каждые юбилеи великих битв — Сталинградской, Курской.

На самом деле за всеми этими коварными приемами скрывается одна цель — развенчать положительный образ Отечества как великой державы. Воинствующим постсоветским либералам-западникам ненавистна любая форма отечественного великодержавия, будь то исторического российского, будь то советского. Они стремятся обесценить это великодержавие, увязав его с репрессивным началом коммунистического правления. Однако их борьба с коммунизмом — мнима, они, заметим, никогда

не обрушиваются на сам марксизм, щадят Ленина в благодарность за сокрушение православной империи. Они, в основном, обрушиваются на «державный», а не на революционный период советской истории, хотя именно в 1920-е годы режим проявлял в самой свирепой форме свою антиправославную и антирусскую сущность.

Более того, все поношения «великодержавных амбиций» постсоветскими либералами и западной публицистикой заимствованы из вульгарно-марксистской «классовой» исторической школы М. Покровского, создававшего «красную профессуру» и переписывавшего в первое десятилетие после революции русскую историю в ненавистническом духе классового социологизма. Сейчас уже не знают, что в советских учебниках истории первого десятилетия Наполеона называли освободителем, так как «помещичья и царистская Россия была более отсталой, чем передовая революционная Франция». Святого Благоверного Александра Невского называли классовым врагом, Чайковского — «хлюпиком», Чехова — «нытиком», Пушкина — «камер-юнкером», а Льва Толстого — «помещиком, юродствующим во Христе». А, значит, причина — не в репрессиях как таковых, ибо репрессии в ленинский период были не менее страшными и куда более целенаправленными — на уничтожение религиозно-национальной ипостаси России и носителей национального и православного сознания. Причина — в великодержавии советского периода.

Не парадокс, но промысел

Советское великодержавие было оплачено вовсе не репрессиями. Ни в 1920, ни в пресловутый 1937, Советский Союз не был великой державой, наоборот его теснили в двадцатые годы по всем направлениям. Великой державой наша страна стала после жертвенной борьбы народа против фашистской агрессии. Без осознания смысла Великой русской Победы — этого важнейшего события нашей многострадальной истории в XX веке — невозможно понять суть мировых процессов и судьбу послевоенного СССР. Ибо Великую Отечественную войну СССР выиграл в своей ипостаси Великой России.

На советских людей еще первого поколения, не забывших традиционные ценности Отечества, семьи, национального чувства, обрушились вражеские войска, одержимые не мировой революцией и счастьем всего человечества, а идеей мирового господства.

Став Отечественной, война востребовала национальное чувство русского народа и его духовную солидарность, разрушенные классовым интернационализмом, очистила от скверны братоубийственной гражданской войны и воссоединила в душах людей, а, значит, потенциально, и в государственном будущем разорванную, казалось, навеки, нить русской и советской истории.

Отозвавшись на «Братья и сестры!» и на церковное благословение «православных на защиту священ-

ных рубежей нашего Отечества», в окопах Сталинграда в партию вступили обыкновенные почвенные русские люди, преимущественно крестьяне.

И те, кого в двадцатые годы учили по первым большевистским учебникам глумливо называть Святого Благоверного Александра Невского классовым врагом, на Прохоровском поле умирали «за советскую Родину» в танке, носящем его имя. Это не парадокс, это Промысел. Страна возопила о помощи к своей попранной истории, и та простила и вдохнула дух национального единства и жертвенности за Отечество. Простит ли она еще одно самопредательство?

Что такое Ялта и Потсдам

Важнейшим, хотя никогда вслух не произносимым итогом Ялты и Потсдама стало фактическое признание преемственности СССР по отношению к геополитическому ареалу Российской империи в сочетании с новообретенной военной мощью и международным влиянием. Это и определило неизбежность «холодного» противодействия именно этим результатам победы, восстановившим на месте Великой России новую силу, способную, пусть в иных формах и проявлениях, также сдерживать устремления Запада. Можно сказать, именно это вызвало Фултонскую речь У. Черчилля — последнего и ярчайшего представителя классической британской внешнеполитической идеологии. В политике США отчетливо стала проявляться их цель с 1917 — непризнание любых форм восстановления преемственности российской истории.

Вся послевоенная история и, что особенно показательно, «перестройка», показали, что именно эти итоги были неприемлемы для Запада, а не страх перед идеей коммунизма или броском советских танков в Западную Европу. Политика англосаксонских союзников за два послевоенные года представляет собой достойное продолжение стратегии Б. Дизраэли на Берлинском конгрессе после Русско-турецкой войны 1877–1878, с целью свести к минимуму потенциал русской победы.

Особенно тяжело было смириться с восстановлением обретенных Петра Великого, не дававших старушке-Европе покоя в течение двухсот лет. К ним добавилась в результате победы Калининградская область. Конгресс США периодически делал заявления в косвенной форме в отношении Прибалтики. США сделали все, чтобы никогда не реализовались мечты Сталина вернуть Каре, Ардаган, которые по Берлинскому трактату 1878 отошли к России, но были незаконно оккупированы Турцией в 1918. Именно большевики сдали эти территории взамен на согласие Кемаля Ататюрка на советизацию Закавказья по сценарию пантюркистов (поэтому Ленина там уважают). Об этих территориях, незаконно отторгнутых в ходе революции, был правомерно поставлен вопрос советской делегацией на Ялтинской и Потсдамской конференциях¹⁴. (Вот за что Сталина там ненавидят,

это здесь, у нас его отвергают за репрессии, и это надо понять). И если в документах середины войны такая позиция в британском Форин Офис еще рассматривалась как правомерная, «ибо не требовала ничего более того, что ранее принадлежало России», в конце войны натолкнулась на самое жесткое противодействие уже и Англии, и США.

Контроль над Восточной Европой добавлял к могуществу СССР гораздо меньше, чем принято думать, став, к тому же, тяжелой обузой, необходимостью сдерживать своих нелояльных «братьев», вроде поляков и венгров, которые, куда более чем немцы, только и мечтали о реванше над Россией. Настоящим призом в этой войне было бы восстановление (кроме Прибалтики) совокупности тех территорий и позиций исторической России, которые сделали ее державой, «без которой ни одна пушка в Европе не стреляла», — это положения Берлинского трактата: Каре, Ардаган и беспрепятственный и гарантированный проход по Черноморским проливам. Это были до революции территории России, которые никем не оспаривались. Но именно против этого скалой встали англосаксонские союзники СССР по антигитлеровской коалиции. Конгресс США последовательно не признавал Прибалтику как часть СССР вплоть до 1990-х годов и вдохновил концепцию «восстановления довоенных государств», вместо отделения от СССР.

Еще скрытая от мира холодная война началась почти сразу, на созданных форумах по послевоенному урегулированию. В ходе переговоров и бесед Молотова, Государственного секретаря США Бирнса и Министра иностранных дел Великобритании Бевина на первой сессии Совета Министров Иностранных дел в сентябре — октябре 1945 года начались позиционные дипломатические бои. Молотов бросил упрек: «Пока шла война... миллионы людей гибли на фронте, у Советского и Британского правительств были споры, но они сговаривались. Советский Союз был нужен. Как только война окончилась, против Советского Союза принимаются всякие меры»¹⁵.

Материалы заседаний и особенно записи бесед глав внешнеполитических ведомств показывают очевидную линию США и Британии: признать в качестве максимума для СССР включение лишь Восточной Европы в его военно-стратегический и геополитический ареал (чему нельзя уже было воспрепятствовать) и категорически не пустить СССР на Балканы. Граница «зоны безопасности» СССР от Балтики на Юг ни в коем случае не должна была доходить до Средиземного моря, то есть не опускаться на Юг по берлинскому меридиану. Ее надо было завернуть на Восток, чтобы полностью отделить Черное море от Южной Европы, оставить все Средиземноморье под контролем будущей НАТО.

В итоге Запад вполне реализовал описанные цели: во-первых, были отбиты все попытки СССР хотя бы мизинцем ухватиться за какой-либо опорный пункт в Средиземном море — южной стратегической

границе геополитического ареала будущей НАТО. Во-вторых, с помощью ставки на Турцию, были категорически пресечены и упреждены на будущее попытки вернуть Каре и Ардаган, для чего южные рубежи СССР были потом окружены военными базами.

Таким образом, вопреки клише, утвердившемуся в западной и современной российской либерально-западнической публицистике, союзники России, как и в Первой мировой войне, не отводили к ее «зоне безопасности» ничего к юго-западу от тех рубежей, на которых она и так к началу XX века была главной региональной державой. Вакуум на Юге — в регионе проливов, создаваемый в конце Первой мировой войны разгромом Австро-германского блока и распадом Османской империи, а в 1945 году — разгромом фашистской Германии, должен был быть заполнен и структурирован в новую конфигурацию — НАТО.

Эти особенности послевоенных дипломатических баталий становятся особенно интересными, так как обозначившееся в 90-е годы двадцатого столетия направление расширения НАТО, оккупация Косова — ключа к Вардаро-моравской долине, соединяющей Западную Европу с регионом проливов, на этом фоне выглядят отложенной реализацией неосуществившихся в конце прошлой войны и на сессиях СМВД планов. Проекты же эти проявляют знакомые с XIX века черты извечных военно-стратегических симметрии и геополитических закономерностей, заслоненных борьбой «тоталитаризма и демократии», прежде всего **Восточный вопрос**. Отсюда понятны аплодисменты на Западе «революции роз» в Грузии и «оранжевой революции» на Украине. Вытеснение России с Черного моря и с Балтики — вот вожденная цель Запада в течение всех послевоенных десятилетий.

Что же нужно изменить, а что оставить из ялтинской системы?

Итак, именно Ялтинско-потсдамскую систему, именно этот итог Второй мировой войны, невозможный без Великой Отечественной войны СССР, и призваны развенчать книга «История Латвии» и все дерзкие укусы прибалтийских стран и Польши. Больше, чем эти страны имеют сейчас, они уже не приобретут, так что «передовой отряд» явно выполняет чужой проект — задачу легализовать пересмотр истории уже не в СМИ, а на официальном государственном уровне.

Впрочем, пересматриваются и развенчиваются отнюдь не все итоги Второй мировой войны, а только те, что были в пользу СССР. Подвергаются сомнению статус Калининградской области и Курильских островов, но не измененная итало-французская граница или передача Додеканезских островов Греции, не состоявшаяся бы без согласия Сталина, за которое греки до сих пор благодарны Советскому Союзу, ибо во время этого решения в Греции с помощью Британии были приведены к власти антикоммунистические силы, и греческие коммунисты были брошены в тюрьмы

(стало быть, не за торжество коммунистической идеи воевал СССР!). Восстановление территорий, утраченных в ходе революции и интервенции, объявляется агрессией и оккупацией, а приращения к некоторым государствам территорий, вообще никогда не бывших в их составе, не вызывает никаких сомнений.

Как не вспомнить Данилевского, который сравнивал сорокалетний стон по поводу так называемого «раздела» Польши с тем спокойствием, с которым Европа отнеслась к захвату Германией Шлезвига и Гольштейна. «Будет ли Шлезвиг и Гольштейн датским или германским, он все-таки останется европейским; произойдет маленькое наклонение в политических весах; стоит ли о том толковать много? Державность Европы от этого не потерпит; общественному мнению надо быть снисходительным между своими... Но как дозволить распространяться влиянию чуждого, враждебного, варварского мира, хотя бы оно распространялось на то, что по всем божеским и человеческим законам принадлежит этому миру? Не допускать до этого — общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка (*сегодня — чеченского террориста*. — Н. Н.) взять в союзники и даже вручить ему знамя цивилизации»¹⁶.

Никому на Западе не кажется абсурдным, что Ялтинскую систему осуждает Варшава, получившая в дар от Красной Армии Силезию — почти треть своей территории. Литва же и вовсе своей столицей обязана «преступному» секретному протоколу к Пакту Молотова–Риббентропа, в котором говорилось, что «интересы Литвы в Виленской области признаются обеими сторонами». Архивы свидетельствуют не о стыде литовцев, а о ликовании. Получив Вильно через два месяца после «позорного протокола» в октябре 1939, Литва праздновала, о чем сообщали дипломаты: «С утра весь город украсился государственными флагами... Люди целовались, поздравляли друг друга»¹⁷. Посол США Норманом сообщал о «праздничном колокольном звоне» и о «воодушевлении, с которым встречено сообщение о возвращении Вильно» и о праздничных манифестациях¹⁸.

Территория Литвы сегодня — единственный оставшийся реликт пакта Молотова–Риббентропа. Это и объясняет парадокс, что в книге «История Латвии» вдоволь говорится об «оккупации», но пакт Молотова–Риббентропа упоминается лишь вскользь. Отчего же такая непоследовательность? Оттого, что Латвия сегодня тщится возглавить единый фронт прибалтийских стран. Литва же, вторя Риге в отрицании Победы и объявлении СССР оккупантом, не может осуждать пакт Молотова–Риббентропа. Иначе надо расстаться с собственной столицей и всем Виленским краем!

Хочется напомнить Варшаве, что за все ее будущие козни против России и сочувствие уголовному мятежнику Масхадову с его головорезами именно СССР — Россия, против воли союзников, подарила ей Силезию.

Даже классик интернационализма Ф. Энгельс в своих рассуждениях о будущем «послереволюционной» Европы славянам места не отводил. Гневную отповедь классика вызвал призыв Михаила Бакунина к единению славянства и освобождению от иноземного ига. Но русский одновременно говорил о «протянутой братской руке немецкому народу... во имя свободы, равенства, братства всех наций». Что же классик интернационализма? Равенство и братство — не для всех, и Энгельс как отрезал, что «речь идет не о братском союзе всех европейских народов, а о союзе революционных народов против контрреволюционных».

Энгельс полагал славян народами, которые «нежизненны и никогда не смогут обрести какую-нибудь самостоятельность». Они, якобы, «никогда не имели своей собственной истории... и лишь с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации». В тевтонском задоре Энгельс утрачивал последние проблески интернационализма. Славяне не просто ничтожный мусор истории — они «всюду были угнетателями всех революционных наций, немцы и венгры являются не только символом прогресса и революции, но также просветителями и носителями цивилизации для славян». В молниях против Бакунина Энгельс уже полностью обнажил, что предмет заботы его пролетарского интернационализма — немецкий «Grossraum».

«Поистине, положение немцев и мадьяр было бы весьма приятным, если бы австрийским славянам помогли добиться своих так называемых «прав»! Между Силезией и Австрией вклинилось бы независимое «богемско-моравское» государство (будущая Чехословакия); Австрия и Штирия были бы отрезаны «южнославянской республикой» от своего *естественного (!!!)* (курсив. — Н. Н.) выхода к Адриатическому и Средиземному морям; восточная часть Германии была бы искромсана, как обрезанный крысами хлеб! И все это в благодарность за то, что немцы дали себе труд цивилизовать упрямых чехов и словенцев, ввести у них торговлю и промышленность... земледелие и культуру!» Именно в этом ключе Энгельс и заключает: «Там, где речь идет о существовании, о свободном развитии всех ресурсов больших наций, там сентиментальная заботливость о некотором количестве разбросанных в разных местах... славян не играет никакой роли»¹⁹.

Казалось, исключение классики делали для поляков — «единственной славянской нации, чуждой всяким панславистским вожделениям», отказывая темным и невежественным православным славянам в праве бороться против «прогрессивных Габсбургов», марксисты, казалось, безусловно поддерживали поляков и их ненависть к «реакционной» России. «Слово поляк и революционер, — пишет Энгельс, —

стали синонимами, полякам обеспечены симпатии всей Европы и восстановление их национальности, в то время как чехам, хорватам (*тогда так называли сербов.* — Н. Н.) и русским обеспечены ненависть всей Европы и кровавая революционная война всего Запада против них», что вызывает аналогии с отношением к сербам «демократического» мирового сообщества в 1999.

Но, похоже, даже полякам была неизвестна подлинная цена польского вопроса для Западной Европы. Кумир А. Мицкевича — Наполеон Бонапарт, «не любивший Польши, а любивший поляков, проливших за него кровь» (Герцен), — считал Польшу разменной картой против России.

Мысль о возвращении германизированных славянских земель была Ф. Энгельсу невыносима: «Неужели нужно было уступить целые области, населенные преимущественно немцами, и большие города, целиком немецкие, — уступить народу, который до сих пор не дал ни одного доказательства своей способности выйти из состояния феодализма»? Энгельс имел в виду Данциг и Бреслау. Задачей Энгельса, как и сегодняшнего Запада, было направить поляков против России, на Восток, чтобы обеспечить решение проблемы западных польских границ в пользу Германии: «Тогда вопрос о размежевании между охваченными войною нациями стал бы второстепенным по сравнению с главным вопросом — об установлении надежной границы против общего врага. — (России, конечно. — Н. Н.) — Поляки, получив обширные территории на востоке, сделались бы стоворчивее... на западе». Не Розенберг, а Энгельс дает впечатляющие рекомендации: «взять у поляков на западе все, что возможно, занять их крепости немцами, пожирать их продукты»²⁰.

Данциг стал Гданьском, а Бреслау, в котором еще в XVIII веке великий немецкий просветитель Г. Э. Лессинг писал свои «Breslauer Enterprise», стал Вроцлавом благодаря СССР и Красной Армии. США же предпочитали не отнимать Силезию у Германии, владевшей ею 400 лет до Гитлера. В августе 1946 Государственный секретарь Дж. Бирнс обнародовал доктрину США в Европе со ставкой на Германию и заявил, что, якобы, линия Одер-Нейссе не являлась частью решений союзников, так как «передача Россией Силезии и других восточных районов Германии Польше состоялась до Потсдамской встречи». Это подстегнуло на 25 лет надежды у так называемых «реваншистов» Германии, не желавших платить за необузданные амбиции Гитлера утратой многовекового достоинства.

Какие же слезные ноты тут же обрушили на советское руководство министр иностранных дел Польши Ржимовский и Президент Чехословакии Ян Масарик, заклиная продолжить миссию «освободителя» и защитить территории, «не окончательно определенные Потсдамской встречей»! Поляк говорил, что «Польша в течение веков была объектом германской

агрессии и экспансии на Восток, которая привела на протяжении веков к присоединению и германизации обширных польских территорий». Чех не менее патетично зывал к советскому руководству и говорил о «столетней борьбе Богемии против германской агрессии»²¹. Теперь же главная трагедия — пребывание в орбите СССР. Посмотрим, удастся ли удержать чехам Судеты в объединенной Европе...

Главные беды латышей в книге «История Латвии» также, разумеется, начались после оккупации ее Советским Союзом, против которого «всенародно» боролись, и только из-за этого вступали в Ваффен-СС. При этом количество жертв от «советов» куда превосходило страдания от гитлеровцев. Те вместе с латышами лишь устраивали «исправительно-трудовые» лагеря вроде Саласпилса, где, правда, гибли евреи.

Как начался пересмотр истории

Установка отождествлять гитлеровский фашизм и советский коммунизм возникла вовсе не в период холодной войны. Хотя тогда острота взаимоотношений с недавними союзниками была сильнее, чем сейчас, когда мы, с «легкой руки» Горбачева, «вместе» — в объятиях Запада.

Эту идею не приняли бы на Западе в 1950-е годы те, кто обнимался на Эльбе и сопровождал северные конвои. В домах миллионов на Западе еще хранились британские газеты военного времени, исполненные восхищения перед жертвенной борьбой защитников Сталинграда, а английский писатель Толкиен, задумавший свои знаменитые сказки еще воюя против немцев в Первую мировую войну, вывел под черным царством Мордор, лежащим на Востоке, вовсе не СССР, как убеждены несведущие в истории постсоветские западники, а гитлеровскую Германию.

«Спор об истории» был открыт крупным германским историком Э. Нольте, учеником М. Хайдеггера, когда идеологическая борьба «тоталитаризма и демократии» настоятельно требовала пересмотра всех прежних суждений о мировой политике. Так, Россию стали обвинять даже и в развязывании Первой мировой войны. Западная историография, ничтоже сумняшеся, приняла трактовку марксиста М. Покровского, с подачи которого Первая мировая война до сих пор называется империалистической, хотя ей больше подошло бы название Второй Отечественной — как-никак России угрожало отторжение Прибалтики, Украины и лишение выхода в Средиземное море. Большевикам-то нужно было оправдать лозунг «поражения собственного правительства в войне». Но комиссия по установлению ответственности за Первую мировую войну в Версале в 1919 однозначно постановила, что вина лежит на Германии и Австро-Венгрии, с ней согласился и американский конгресс.

Борьба с «империей зла» требовала новых идеологий, и книги Э. Нольте пришлось как нельзя кстати. В них виртуозно решалась задача: развенчать СССР как главного борца против фашиз-

ма, при этом не реабилитировать сам фашизм, но освободить Запад от вины за него. Э. Нольте интерпретировал Вторую мировую войну не как продолжение извечных стремлений к территориальному и геополитическому господству, а как начавшуюся Октябрьской революцией «всеевропейскую гражданскую войну» между двумя «идеологиями раскола»²².

Европа же, по Нольте, впала в грех фашизма исключительно для защиты либеральной системы от коммунизма, и лишь потом скопировала тоталитарные структуры у своего соперника. В такой схеме мишенью возмущенного сознания становится советский тоталитаризм сталинского периода и пресловутый пакт Молотова–Риббентропа, которые якобы, и стали причиной Второй мировой войны.

Оттенки фашизации истории

Западная и постсоветская литература постепенно наполнилась прямыми и косвенными обвинениями в адрес СССР, якобы ответственного за становление германского фашизма, формулируемыми в русле двух основных концепций. По одной из них СССР и Германия, — будто бы уже с договора Рапалло, заключенного Советской Россией и Веймарской республикой на Генуэзской конференции 1921 года с целью избежать изоляции, планировали завоевание мира, — повели дело к войне и к пакту Молотова–Риббентропа.

Здесь очевидна натяжка исторических фактов, ибо Договор Рапалло был заключен Советской Россией с демократической Веймарской республикой, в которой никто и нигде даже не предвидел появления Гитлера и национал-социализм. В. Ратенау не только не вынашивал планов долгосрочного партнерства с СССР, но порывался отклонить советское предложение. Далее, «рапалльская линия» в политике Германии практически истощается именно с приходом Гитлера к власти, и Договор 1939 года, как к нему ни относиться, явился итогом совершенно иных обстоятельств.

Концепция Э. Нольте, к тому же, весьма хитроумно затушевывает различие между фашизмом итальянского типа и национал-социализмом.

Однако фашизм итальянского типа или его элементы возникли одновременно почти во всех культурно-самобытных частях Европы после удручающих итогов Первой мировой войны и революций в Европе. Не случайно он появился в католических Франции, Испании, Португалии, Италии; в Европе англосаксонской и германской — Англии, Австрии, Германии; в Бельгии, Нидерландах, Дании, Скандинавии; наконец, в Европе православной и славянской — Греции, Болгарии, России, Югославии и даже в полумусульманской Албании.

По мнению Э. Нольте, энергия, вызванная из глубин общества, из самых традиционных крестьянских слоев, была направлена на «спасение либерального государства», что уже сомнительно. Наоборот, глубинка бунтовала против либеральной атомизации

общества. Католическая церковь вряд ли приветствовала «либеральную систему», в которой от влияния религии освобождались все общественные институты и образование, а антиклерикальные силы заполонили властные структуры и прессу. Однако «сумрачный германский гений» и западноевропейский «прометеевский» дух подавления и насилия оказались почему-то неспособны на христианскую антитезу, как идеологии пролетарского интернационализма, так и либеральной атомизации.

В результате «порыв» проявил все признаки вырождения — отношение к Церкви и к власти как служебным инструментам (Франко и Муссолини), насилие, экстремизм, шовинизм, экспансия.

Клише «демократического» агитпропа

Концепция Э. Нольте сумела затушевать различие между фашизмом итальянского типа и национал-социализмом Гитлера, ранее всегда признаваемого наукой о политических учениях. Сегодня общественная наука на Западе перестала оперировать научными философскими категориями, а поступила на службу идеологии. Теперь главный критерий — отсутствие «американской демократии». (Если бы наука биология заявила, что медведь-коала и гусеница — существа одного биологического класса, поскольку едят листья бамбука, ученых бы подняли на смех). Скоро фашистскими объявят все цивилизации мира и государства до XX века — монархии, общества религиозные. Если исчезает различие между фашизмом итальянского типа и национал-социализмом, то главный грех их обоих сводится к отсутствию «американской демократии». Однако нежелание какого-либо народа установить у себя демократию есть его право, и, само по себе, не несет вызова или угрозы миру, если только не сопровождается насильственным навязыванием этого выбора.

Что же было вызовом и угрозой миру со стороны гитлеровского Рейха, который развязал войну со всей Европой?

Попытка преодоления результатов Первой мировой войны и Версальской системы, в которой ангосаксы примерно наказали немцев по принципу «Горе побежденным!», была бы естественным явлением мировой политики после каждой неудачной для какого-либо государства войны. Если бы окрепшая Германия ограничилась локальными конфликтами и тяжбами за сопредельные территории, то такой ход событий мало чем отличался бы от прошлых периодических войн за оспариваемые земли и вряд ли привел бы к Нюрнбергскому трибуналу.

Но Гитлер провозгласил претензии на территории и страны, никогда не бывшие в орбите германцев, как на Западе, так и на Востоке Европы. Такой проект нуждался в оправдании. Его родила **языческая нацистская доктрина природной неравномерности людей и наций**, отсутствующая у фашизма итальянского и у коммунизма.

Вместе это и стало **грандиозным всеобщим вызовом — как суверенности народов, международному праву, так и фундаментальному понятию монотеистической цивилизации об этическом равенстве людей и наций, на которых распространяется одна мораль, и которые не могут быть средством для других**. Именно универсальность вызова определила масштабы целей. Отрицание права других народов на историю позволяло истреблять второсортных и их культуру, жечь города и села. Ни в одной войне прошлого не было такой гибели гражданского населения на оккупированных территориях.

С легкой руки Э. Нольте, коммунизм, всегда и везде считавшийся главной антитезой фашизму, стали называть его прототипом. Но объединять советский коммунизм с гитлеризмом — не только безнравственно, но и абсолютно антинаучно. Такой подход продиктован политической задачей дать интерпретацию Второй мировой войны как войны не за геополитические пространства, не за историческую жизнь народов, а как войны за «американскую» демократию. Американский автор У. Лакер в книге под характерным для всей концепции названием «Россия и Германия. Наставники Гитлера» пытается доказать родство двух режимов — гитлеровского и советского, поэтому ему необходимо свести главный ужас немецкого «фашизма» к «тоталитаризму», поэтому он даже не акцентирует внимание на расовой теории и последовавших чудовищных идейных обоснованиях репрессий против евреев, насильственного перемещения рабской рабочей силы «остарбайтеров», занятие Черноземья СССР и Украины колонистами и программы сокращения второсортных русских, белорусов и украинцев на 40 млн. Иному автору никогда бы не простили такое «занижение» удельного веса Холокоста в преступлениях гитлеризма, но тут цель оправдывает средства, и все прощается. Целенаправленное идеологическое программирование сделало свое дело: сегодня принято объединять коммунизм с нацизмом, а гитлеровский нацизм с фашизмом итальянского типа.

Цель ясна — доказать, что главное зло XX века и вообще мировой истории — это русский и советский тоталитарный империализм, эталоном которого был СССР сталинского периода, и выделить все, что может сойти за его подобие в гитлеровском рейхе.

Абсолютно антинаучная трактовка тождества нацизма и большевизма стала клише западного обществоведения, которым уже оперируют образованнейшие и именитые авторы. Директор французского Института международных отношений Тьерри де Монбриаль даже «удивляется» «протоестественности» антигитлеровской коалиции — «странного альянса», соединения двух демократий и империи, — носившей такой же тоталитарный характер, как и режим, который предстояло сокрушить»²³. Но французам «Сопrotивления» и летчикам «Нормандии-Неман», пролившим кровь вме-

сте с русскими не за идеологию, а за свою любимую «прекрасную Францию», такой союз не казался противоестественным. «Нацистская Германия воплощает совершеннейший большевизм» — обронил и крупнейший современный французский историк Ф. Фюре.

Что уже говорить о ведущем американском историке-русисте Р. Пайпсе, который преподает свою китч-версию русской истории в Гарварде — кузнице американской политической элиты. Этот автор в наиболее плакатной форме выражает свой нигилизм в отношении России — как старой, так и советской. Он также называет русский большевизм «провозвестником» «теории элит», «тоталитаризма» и фашистских государств. Неприличный для «свободного» западного ученого социальный заказ проявляется в абсурдном добавлении, «что большевистская партия поддерживала свое «великорусское лицо» на протяжении всей истории своего существования»²⁴. Невеликорусское лицо первых большевиков и их тотальное отвержение русской истории давно уже стало притчей во языцех.

Именно эти книги переведены на русский язык постсоветскими либералами-западниками в постперестроечные времена.

Право на историю

Но тезис о родстве нацизма с «российским» коммунизмом не выдерживает анализа.

Коммунистический замысел обескровливал собственную страну ради идеи облагодетельствовать все человечество, на алтарь которого принесено все национальное. Первые пламенные большевики не скрывали, что Россия для них — вязанка хвороста для пожара мировой революции. Через призму религиозно-философских основ истории это учение, взятое в идеальных критериях, есть порождение так называемой «философии прогресса», которая в свою очередь родилась в христианском мире на пути отступления от христианства. Она выводится из ереси хилиазма — ложного учения о возможности тысячелетнего царства Божия на земле с праведниками и идеи утвердить в земной жизни равенство, даже насильно.

Германский нацизм, оттолкнувшись от преодоления Версальской системы, провозгласил право обескровливать другие нации для того, чтобы облагодетельствовать свою. Целые аспекты нацистской доктрины основаны не только на идее неисторичности народов, свойственной классической немецкой философии и Энгельсу, но и на расовом превосходстве, на утверждении природного и этического неравенства людей. По сути, они были возвратом к язычеству, к философии: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Это деление народов на «тварей бессловесных» и «тех, кто право имеет».

По философии германский нацизм отличен как от коммунизма, так и от фашизма итальянского типа, явившего лишь уродливый вариант «буржуазного»

государства нового времени: «гипер-этатизм». Неразличение Э. Нольте фашизма и национал-социализма приводит его к косвенному оправданию гитлеровских завоеваний, раз Вторая мировая война — это «европейская война» идеологий, начатая в 1917 именно большевизмом. Так обесцениваются жертвы нашего народа, понесенные за право на историю.

Так война против Гитлера ГИТА и Британии уже, оказывается, велась не за то, чтобы французы и датчане оставались французами и датчанами, не за то, чтобы латыши и поляки не превратились в свинопасов и горничных у арийцев, а за «универсальное торжество либеральной американской демократии». И эта война продолжилась в Европе уже в виде «холодной войны», пока второй тоталитарный монстр — СССР — не самоустранился, чтобы «западная демократия», уже его не пугаясь, могла осчастливливать народы наискорейшим образом — с бомбардировщиков. Однако документы об истинных целях политики, рассекреченные недавно, опровергают новые схемы еще ярче, чем советские штампы.

Примечательны секретные переговоры сэра Джона Саймона — министра иностранных дел Великобритании с Гитлером в Берлине в марте 1935, запись которых стала достоянием советской разведки и была опубликована в 1997. Гитлер отвергает любое сотрудничество с большевистским режимом, называя его «сосудом с бациллами чумы». Налицо разрыв с рапальской линией и отсутствие всякой преемственности с ней у будущего советско-германского пакта 1939 года. Саймон же приехал, чтобы санкционировать аншлюс Австрии. Когда Риббентроп поинтересовался британскими взглядами на австрийский вопрос, Саймон прямо постулировал: «Правительство Его Величества не может беспокоиться об Австрии так же, как, например, о Бельгии, то есть о стране, находящейся в самом близком соседстве с Великобританией». Гитлер выразил свой восторг и поблагодарил британское правительство за его «лояльные усилия», «и по всем другим вопросам, в которых то заняло такую великодушную позицию по отношению к Германии» — Британия на международной конференции воспрепятствовала применению санкций к Германии за нарушения военных положений Версальского договора.

Пакт Молотова–Риббентропа

Теперь обратимся к пресловутому пакту Молотова–Риббентропа, отношение к которому не может быть понято без знания англосаксонской стратегии XX века в Европе. Одной из ее целей было не допустить усиления Германии и России. При этом стратегия исходила из тезиса, что определяющее влияние на континенте придает Германии или России только Восточная Европа. Все зигзаги мировой политики оцениваются с этой точки зрения.

Для осуществления этой цели после Первой мировой войны Британия и президент США В. Вильсон

поставили цель: создать на основе принципа «демократии и самоопределения» между Германией и Россией ярус мелких несамостоятельных государств от Балтики до Черного моря так, чтобы они не входили ни в германскую, ни в российскую орбиту.

Гитлеровские планы завоевания восточного «жизненного пространства», казалось, полностью ломали англосаксонскую доктрину «буфера между славянами и тевтонами». Однако известно, как Британия и США косвенным образом всемерно подталкивали Гитлера именно на Восток. На деле в этом не было противоречий. Их создает лишь ложный тезис из учебников, что Британия, соглашаясь на аншлюс Австрии и захват Чехословакии, полагала умиротворить Гитлера, но, мол, просчиталась.

Напротив, самое страшное для англосаксов случилось бы, если бы Германия удовлетворилась Мюнхеном и аншлюсом Австрии. Это было соединение немецкого потенциала в одном государстве — кошмар для Британии со времен Бисмарка, однако гитлеровские акты были признаны «демократическим сообществом», и потом их было бы трудно опротестовать.

Против такой ревизии Версальской системы тоже трудно было бы потом возражать, поскольку Чехословакия и послеверсальская Австрия не были завоеваниями 1914–1918. До Первой мировой войны они были много веков территориями Германии и Австро-Венгрии, и никогда никем как таковые не оспаривались. Необузданность амбиций Германии в двух мировых войнах заставляла их расплачиваться потом утратой не только вновь завоеванного, но прежнего достояния, которое ранее не оспаривалось.

Британия рассчитывала вовсе не умиротворить Гитлера, но подтолкнуть его к дальнейшей экспансии, и, в принципе, англосаксонский расчет на необузданность амбиций и дурман нацистской идеологии был точным. Но Британии нужно было направить агрессию только на Восток, что дало бы повод вмешаться и войти в Восточную Европу для ее защиты и довершить геополитические проекты, то есть изъять Восточную Европу из-под контроля, как Германии, так и СССР. Печать и политические круги в Англии открыто обсуждали следующий шаг Гитлера — претензии на Украину.

В этом вопросе была активна Польша, предлагавшая Гитлеру свои услуги. Уже в январе 1939 польский министр иностранных дел Бек заявил после переговоров с Берлином о «полном единстве интересов в отношении Советского Союза». Затем советская разведка сообщила и о переговорах Риббентропа, в ходе которых Польша выразила готовность присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, если Гитлер поддержит ее претензии на Украину и выход к Черному морю.

Польша не была невинной жертвой. Ее судьба была драматично предопределена и ее расположением и, не в последней степени, ее извечной непри-

язнью к России. Об этом советские учебники всегда умалчивали, ибо пропагандировали вечную и нерушимую дружбу народов социалистического лагеря, якобы навсегда освобожденную от Груза имперского и капиталистического прошлого. Главные польские устремления были направлены, как многие века назад, к Литве и Украине.

Рассекреченные документы показывают неблагоприятный закулисный торг и судорожные попытки получить свою толику от гитлеровских захватов. «Польша сохраняет отрицательное отношение к многосторонним комбинациям, направленным против Германии» — неизменно отвечал посол Гжибовский наркомку Литвинову. Польша отказывалась участвовать в создании какого-либо фронта против Германии вместе с СССР.

Как только Гитлер отнял у Чехословакии Судеты, Польша немедленно заявила претензии на Тешинскую часть исторической Силезии, отошедшую по Версалу к Чехословакии после четырех веков в составе Габсбургской империи. Польские дипломаты с ревностью убеждали германскую сторону сделать ставку на Польшу, и тогда «Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину».

Однако англосаксонская стратегия не была успешной. Мюнхен и позиция «демократических стран» показали безрезультатность для СССР пребывания в фарватере англосаксонской стратегии. Хрестоматийная история бесконечных проектов коллективной безопасности показывает: ни один проект не давал гарантии балтийским государствам, отделявшим от Гитлера западную границу СССР. Как только М. Литвинов, который считался англосаксонским лобби в советском истеблишменте, перестал быть наркомом иностранных дел, был заключен пресловутый пакт Молотова–Риббентропа. Агрессия против СССР была отложена до разгрома Западной Европы.

Этот договор демонизирован западным мнением и историографией, которые вовсе не обличают западные страны за Мюнхенский сговор и согласие на аншлюс Австрии, которые и были началом гитлеровских захватов и сломом территориального статус-кво. Но в Советско-Германском договоре вообще не было ничего отличного от типичных договоров всей истории международных отношений. Гитлеровская Германия была всемирно признанным государством, имевшим интенсивные дипломатические отношения, прежде всего, со всеми западными странами.

Искони государства заключали договоры с партнерами, чья внутренняя жизнь была противопоставлением. Христианские государства имели отношения с языческими, где приносились человеческие жертвы. Правительство Турции, где перед Первой мировой войной сажали на кол, а отрезанные головы христиан выставлялись напоказ, в дипломатическом лексиконе именовалось «Блистательная Порта».

Наконец, кроме кусочка Буковины, СССР лишь возвратил те исторические территории, что были «отхвачены» у России в период хаоса революции и гражданской войны. Этот термин использует Г. Киссинджер в объемном труде «Дипломатия», когда забывает, что через несколько страниц надо приняться за демонизацию «нацистско-советского пакта».

Э. Нольте называет «Пакт Гитлера–Сталина» европейской прелюдией ко Второй мировой войне. Разбирая текст секретного протокола о разделе сфер влияния, Нольте обрушивается на пункт о Польше, в котором говорилось, что «вопрос о желательности для интересов обоих государств независимого польского государства и о том, каковыми могли бы быть границы этого государства, может быть выяснен лишь в ходе будущего политического развития ситуации».

Готовность Сталина за отсрочку в войне против собственной страны закрыть глаза на устремления Гитлера в отношении Польши, которая накануне предлагала Гитлеру свои услуги для завоевания Украины, как и воспользоваться случаем для восстановления территории Российской империи, утраченной из-за революции, ничем не отличалась по прагматизму или, если угодно, цинизму от слов Саймона, открывшего Гитлеру, что «Британия не будет беспокоиться об Австрии так же сильно, как если бы это была Бельгия».

А сами прибалтийские государства, полуфашистские, отказавшиеся от парламентаризма, кстати, осуждаемые в то время всей остальной Европой? Как свидетельствуют документы, они занимали однозначно прогерманскую позицию, «стремились остаться вне коалиций, направленных против Германии», и, как сообщал американский посол в Литве, «относились крайне неодобрительно к предложению советского Комиссара по иностранным делам, чтобы Великобритания гарантировала границы этих Балтийских государств с Советским Союзом»²⁵.

Исторические аналогии

Нольте называет Советско-Германский договор пактом «войны», «раздела», «уничтожения», который якобы не мог иметь аналогов в европейской истории, потому что это были «государства совершенно особого рода». Такое утверждение может вызвать только иронию у историка.

От Вестфальского мира 1648 года до *Дейтона* договоры и многосторонние трактаты не только имперского прошлого, но и демократического настоящего были начертанием одними державами новых границ для других. Наполеон в Тильзите безуспешно предлагал Александру I уничтожить Пруссию. Венский конгресс 1815 нарисовал территорию современной Швейцарии, добавив к ней стратегические горные перевалы, чтобы те не достались более динамичным государствам.

Напомним сакраментальную фразу В. Ленина о Берлинском конгрессе: «грабят Турцию». Австрия в 1908 аннексировала Боснию, получив согласие

держав. В секретном соглашении 1905 года между Т. Рузвельтом и Кацурой Япония отказывалась от «агрессивных намерений» в отношении Филиппин, оставляя их вотчиной США, а США согласились на оккупацию Японией Кореи.

В Версале в 1919 победившая Антанта с вильсоновскими «самоопределением и демократией» расчленила Австро-Венгрию, предписав, кому и в каких границах можно иметь государственность, а кому нет, кому, как Галиции, перейти от одного хозяина к другому, кому — сербам, хорватам, словенцам — быть вместе. В Потсдаме были определены границы многих государств и судьба бывших колоний. Может, это свойственно только имперскому миру или эпохе тоталитаризма? Отнюдь нет. В годы торжества нового мышления столп американской дипломатии Дж. Кеннан в 1993 прямо призвал пересмотреть «понятие суверенитета», «начертать новое территориальное статускво на Балканах, применить силу и заставить стороны его соблюдать», что и было сделано в Дейтоне в 1995.

Провал английской стратегии

Договор демонизирован не потому, что способствовал войне. После Мюнхена и аншлюса Австрии, она была в любом случае неизбежна, и Гитлер собирался захватить устья Шельды (Бельгия) — стратегический пункт против Британии. **Договор поменял ее расписание, а, следовательно, послевоенную конфигурацию**, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу как в начале войны, поскольку надо было оборонять Западную Европу, так и после победы, для ее изъятия из орбиты СССР.

Пакт Молотова–Риббентропа 1939 года является крупнейшим провалом английской стратегии за весь XX век, и его всегда будут демонизировать.

Сегодня, однако, ни Мюнхен, ни Аншлюс, а именно «Пакт Гитлера–Сталина» называют европейской прелюдией ко Второй мировой войне и обрушиваются на текст секретного протокола о разделе сфер влияния. Г. Киссинджер также повторяет штамп, что «Россия сыграла решающую роль в развязывании обеих войн». Но раздел его книги, посвященный «нацистско-советскому пакту», опровергает его собственный «приговор» и демонстрирует смесь досады и невольного восхищения.

Признавая все же, что Гитлер имел захватнические планы и на Западе, и на Востоке, Киссинджер также признает «мерой сталинских достижений то, что он, пусть даже временно, поменял местами приоритеты Гитлера». Но это же максимум возможного, и не может быть оценено иначе как выдающийся успех дипломатии. Собственно, Г. Киссинджер именно так и оценивает этот пакт, назвав его «высшим достижением средств, которые могли бы быть заимствованы из трактата на тему искусства государственного управления XVIII века».

Наконец, само нападение гитлеровской Германии на СССР снимает все обвинения. Впрочем, бор-

зописцы внушают, что Гитлер всего лишь упредил нападение агрессивного СССР. Да только в дневнике Геббельса задолго уже было написано: «Россия должна быть расчленена. Нельзя потерпеть на Востоке такого колоссального государства». И когда Гитлер 11 августа 1939 года проговорился: «Все, что я принимаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы уразуметь это, я вынужден буду сначала разбить Запад, а потом, после его поражения, повернуться против Советского Союза со всеми накопленными силами», — он лишь продолжил геополитические планы пангерманистов перед Первой мировой войной.

Канцлер фон Бюлов еще в конце XIX века писал: «В будущей войне с Россией мы должны оттеснить ее от двух морей, сделавших ее великой державой — от Балтийского и от Понта Евксинского». Даже дряхлый Бисмарк, пришедший в конце жизни к мудрому выводу, что «на Востоке у нас врагов нет», оставил на полях помету: «Столь эксцентричные эскизы не полагается оставлять на бумаге!» Границу Германии по Волге требовали установить в 1914 году берлинские интеллектуалы, бросая вызов не «коммунистической идеологии гражданской войны», не тоталитаризму, а христианской России.

Напомним и то, что Британия, которая сама санкционировала начало гитлеровских захватов за полтора года до Советско-Германского договора, полагала не только восстановление дореволюционной территории — Прибалтики — как части исторического государства Российского — абсолютно правомерными. Лорд Галифакс, министр иностранных дел, выступая в палате лордов, так представил Советско-Германский Договор: «Будет справедливым напомнить две вещи: во-первых, советское правительство никогда не предприняло бы такие действия, если бы германское правительство не начало и не показало пример, вторгнувшись в Польшу без объявления войны; во-вторых, следует напомнить, что действия советского правительства заключались в перенесении границы по существу до той линии, которая была рекомендована во время Версальской конференции лордом Керзоном. Я привожу исторические факты и полагаю, что они неоспоримы». 10 октября 1939 года такую же оценку дал У. Черчилль.

Только ли за свободу и демократию воевали США

А какие цели были у Соединенных Штатов, которые представляют сейчас не только как главного спасителя, но как борца исключительно за торжество универсальных принципов свободы и демократии, но никак не за интерес?

США вообще собирались выждать в надвигающейся войне между Германией и СССР до их истощения или до того момента, пока уже не начнутся геополитические изменения структурного порядка, которые кардинально изменят соотношение сил. Со-

общение советской разведки о такой позиции США сопровождалось записью полного текста доклада Рузвельта своему кабинету от 29 сентября 1937 года. Доклад же был предварительно обсужден с Рэнсименом — специальным представителем британского кабинета Болдуина, и о выводах и позиции Америки говорилось так:

«Если произойдет вооруженный конфликт между демократиями и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции и сохранит свой нейтралитет». «Но если СССР окажется под угрозой германских империалистических, то есть территориальных стремлений, тогда должны будут вмешаться европейские государства, и Америка станет на их стороне»²⁶. Здесь, во-первых, ясно, какой неприятностью оказался пакт Молотова-Риббентропа, поменявший временно приоритеты Гитлера. Англосаксы явно предпочитали, чтобы Германия и СССР истощили друг друга, а вмешались бы лишь в том случае, если бы Германия побеждала, и вся Евразия попадала бы под ее полный контроль.

А вот что означала так называемая Атлантическая хартия — декларация Ф. Рузвельта и У. Черчилля от 14 августа 1941 года об общих целях войны. Она превозносится как полная абстрактными демократическими принципами, акцент делается на отсутствии у этих стран «стремлений к территориальным или другим приобретениям». Хартия близка по духу Программе В. Вильсона и ленинскому Декрету о мире («мир без аннексий и контрибуций»). Но декларированный отказ признать «территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов» никогда не анализировался в широком идеологическом, политическом и международно-правовом контексте.

На самом деле именно эта хартия стала первым провозглашением глобалистских критериев и права англосаксонских держав назначать сами критерии. До того, как определились итоги войны, хартия провозгласила «право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить». Народы никогда не спрашивали у кого-либо разрешения, следовательно, смысл такого заявления в другом — в провозглашении права США и Британии выносить суждения о внутренней политике других государств. Это претензия, немислимая в классических международных отношениях, — судить, являются ли существующие суверенные государства «угнетающими права своих народов» (не чужих, а своих собственных!), и оказывать давление и подвергать сомнению чужой суверенитет.

США и Великобритания объявили и о своем решении содействовать «восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем». На фоне гитлеровской агрессии против всей Европы это звучало красиво, **но никакой ссылки на гитлеровскую**

агрессию в документе не было. Это означало «освободить» не только тех, кто подвергся нападению или захвату гитлеровской Германией, но и других, находившихся в составе суверенных государств в ареале, охваченном войной. Под «нациями» имелись в виду не государства, но и народы, которые не имели своей государственности. Если бы этот пункт был расшифрован требованием вернуться к «положению до войны», это означало бы лишь отмену всех завоеваний гитлеровской Германии, стран оси и сателлитов.

Это было провозглашением права признавать или не признавать довоенные реалии. Фактически это эвфемизм для объявления карты мира «чистой доской» и своего права «начертать судьбу населяющих ее народов», как гласила формулировка полковника Хауза, расшифровывавшая пункт об охваченной революцией России из Программы XIV пунктов. Именно так поняли декларацию в британском парламенте, который встревожился возможным распространением положений Атлантической хартии на судьбу английских колоний. Тут-то Черчиллю пришлось все же уточнить, что имелись в виду народы под нацистским гнетом. Но Рузвельт имел в виду Прибалтику, югославян, все российские народы, кроме русского, — «жертвы империалистической политики коммунистической России», которые будут фигурировать в законе конгресса США P. L. 86–90 «О поработенных нациях» 1959 года. Рузвельт, похоже, программировал еще дальше — конец столетия.

Но в то время, как Рузвельт и Черчилль приглашали СССР к подписанию хартии и военному сотрудничеству, за дверьми внешнеполитической кухни Вашингтона и Лондона варился питательный бульон будущего пира победителей по весьма старым рецептам. Сравнение с официальными декларациями и идеологической внешнеполитической пропагандой весьма впечатляет.

Вот попавший в Архив внешней политики России документ — секретный меморандум Государственному департаменту американского Совета по внешним сношениям от 22 августа 1941 года под весьма циничным названием «Вопросы американской политики, касающиеся нацистско-большевистской войны». Через неделю после Атлантической хартии с ее проповедью борьбы за свободу народов и демократию этот документ показывает изнанку, прагматизм которой смутил бы Талейрана и Макиавелли. Перечень вариантов поведения США демонстрирует интересы, весьма отличные от официальных деклараций и обращенных ко всему миру и к СССР инициатив:

«ЕСЛИ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ РЕЖИМ СОХРАНИТСЯ:

- а) Станет ли Америка соучастником Советской России в войне против Гитлера.
- б) Должна ли Америка добиваться установления равновесия между (послевоенной) Германией

и Россией путем создания независимых от них обеих буферных государств.

- в) В случае нападения Японии на Приморье, должны ли тогда США вмешаться путем интервенции на Дальнем Востоке.

ЕСЛИ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ РЕЖИМ ПАДЕТ:

- а) Должна ли Америка стараться восстановить большевизм в России.
- б) Должны ли США по примеру Гитлера санкционировать массовое переселение народов для создания буферной зоны между Германией и Россией.

ЕСЛИ ПОСЛЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО РЕЖИМА БУДЕТ УСТАНОВЛЕН РЕЖИМ СОТРУДНИЧЕСТВА С ГЕРМАНИЕЙ:

- а) Должны ли США не дать возможность этому режиму установить контроль над Транссибирской железной дорогой.
- б) Должна ли Америка подготовить на Дальнем Востоке противников этого режима (Китай, Япония)²⁷.
(выделено автором)

Не «право народов избирать свою судьбу», а российско-германский баланс, создание между ними буфера через «переселение народов» под собственным контролем и Транссибирская магистраль, одним словом, реальный ключ к контролю над Евразией — вот главная забота при оценке смысла участия США в войне. Роль Китая, Японии в самых классических традициях баланса сил и «Realpolitik» меняется на 180 градусов от опоры до противника в зависимости от исхода схватки. Однако самое ценное заключают в себе итоговые тезисы обсуждения.

«Военный результат этой войны решит судьбу не только большевистского режима; он может обусловить огромный процесс перегруппировки сил от Богемии до Гималаев и Персидского залива. Страницы истории открываются вновь, краски снова льются на карты.

Ключ к этому лежит в реорганизации Восточной Европы, в создании буферной зоны между тевтонами и славянами. В интересах Америки направить свои усилия на конструктивное решение этой проблемы»²⁸.

Каким же ударом по этому плану была Ялтинско-Потсдамская система! Как тут не начаться «холодной войне»! Кстати, З. Бжезинский прямо полагает, что именно США в первые пять и даже десять лет первыми прямо нацелили свою политику сначала «сдерживания», потом «отбрасывания» на тот самый ареал, который был согласован в Ялте, Потсдаме — на Восточную Европу, в то время как «сталинский СССР» до середины 1950-х годов едва справлялся со своим наследием и даже провел масштабную демобилизацию²⁹. Но геополитический рисунок этой стратегии был воспроизведен в 1990-е годы. Именно на эти «буферные» восточно- и центрально-европейские

силы будет сделана главная ставка США в расширении НАТО в 1990-е годы после краха России-СССР.

Россия ушла из Восточной Европы, «организатором» которой всегда были либо она, либо Германия. Западную Европу по-прежнему консолидировал блок НАТО. Но чтобы «социалистическая Восточная Европа», выйдя из-под российского контроля, не рассыпалась окончательно в пост-версальский ярус мелких, несамостоятельных государств, и чтобы у Германии не проснулись идеи «Срединной Европы», ее надо было срочно скрепить атлантическим пост-ялтинским каркасом под англосаксонским контролем. Возвещенное Д. Рамсфелдом перемещение атлантического центра на восток, в «новую» Европу, стало вторым «Версалем».

Смыслы «Холодной войны»

«Холодная война» была абсолютно неизбежна не только в силу закономерностей мировой политики и политической географии тем более в период, когда весь мир стал единой ареной, куда вышли США с их вездесущими интересами. Ее психологический тон объясняется лишь колоссальной идеологизацией мировой политики с обеих сторон — как коммунизмом, так и либерализмом, по сравнению с классическими международными отношениями прошлого, в основе которых лежал национальный интерес, а не универсалистские идеи. Война интересов велась давно за кулисами военного сотрудничества и лишь обрела специфическую форму.

Для обоснования принципиально новой концепции отношений с СССР Запад нуждался в замене идеологических клише времен войны. В качестве идейной парадигмы «главного содержания эпохи» стала борьба свободного мира и демократии против угрозы коммунизма.

При этом воинствующе антикоммунистический Запад полностью взял на вооружение выгодную ему большевистскую нигилистическую интерпретацию событий: Россия и русская история «упразднены» безвозвратно в 1917, а СССР является не продолжением тысячелетнего государства, а *соединением* совершенно независимых и самостоятельных наций. Это определение, как будто согласованное в неких высших мировых сферах, с одинаковой неизменноостью применяется до сих пор как в отечественной — сначала марксистской, потом — либеральной, так и западной политической доктрине с той разницей, что в первой соединении объявлено благом «под сиянием пролетарской революции», а во второй — насильственным игом «под железным обручем тоталитаризма».

Очевидно, что *два определения — тождественны, отличаясь лишь мнением о факте*, и в равной степени давали возможность в нужный момент подвергнуть сомнению единство страны, *ибо ей отказано в историческом прошлом*. Борьба против насильственного «соединения» всегда правомерна,

а разочарование в благодати пролетарской революции сразу позволяет усомниться в целесообразности единства. В пропаганде «холодную войну» объявили силовым и идеологическим барьером потенциальной экспансии мощного государства с мессианской идеологией.

В той известной мере, в какой это действительно имело место и относилось к установлению опеки над Восточной Европой и навязыванию ей коммунистической идеологии, ее можно было бы считать естественной и традиционной политикой мировых держав. Но на деле её стратегия заключалась не в «терпеливом, длительном и бдительном сдерживании» по Дж.Кеннану, автору официальной доктрины США 1947 года, но в отрицании целиком историко-геополитического феномена СССР как *преемника* России.

Резолюция конгресса США от 17 июля 1959 года постановила отмечать ежегодно «неделю поработенных наций» и стала законом P. L.86–90, обязавшим президентов из года в год подтверждать цель США освободить жертвы «империалистической политики коммунистической России, приведшей с помощью прямой и косвенной агрессии, начиная с 1918 года, к созданию огромной империи, представляющей прямую угрозу безопасности Соединенных Штатов и всех народов мира»³⁰. «Находящимися под советским господством» были названы все народы союзных республик, «Казакция» и «Идель-Урал», *кроме русского*. Это неопровержимо демонстрирует главный аспект холодной войны, не понятый ни либеральной частью русской эмиграции, ни ортодоксальными коммунистами: *борьба не с коммунизмом, а борьба с «русским империализмом», причем на самой территории исторического государства российского*, которая никогда до революции не подвергалась сомнению самыми жесткими соперниками России на мировой арене.

Малоизвестная книга Льва Е. Добрянского, профессора Джордж-таунского университета и председателя «Комитета по проведению недели поработенных наций», разработчика концепции, реализованной на государственном уровне, проясняет историю эпизода. Посвящение книги «забытым борцам Украинской Повстанческой Армии» указывает на галицийское происхождение самого автора. Добрянский интерпретирует Октябрьскую революцию как «сокрушающее восстание всех нерусских народов России» и призывает вновь разрушить «русский колониальный гнет» над «тюрьмой народов».

Он (не без оснований) видит мало общего между взглядами и философией Маркса и советским великодержавием — «конечным продуктом марксизма-ленинизма на российской почве» и предлагает применять к СССР оценки из «Тайной дипломатической истории», в которой Маркс призывал вернуть Россию к Московии в положении Столбовского мира. Полагая величайшей ошибкой Запада избрание такой внешнеполитической идеологии, которая позволила

«русскому колониализму и империализму, неизменному с Ивана III, прикрываться жупелом коммунизма», Добрянский и другие авторы доказывают, что компас «русского медведя», его «полярная звезда» неизменно указывают на захваты и порабощения нерусских народов³¹. Эта терминология обнажает преемственность москвофобии Добрянского: эвфемизмы «северный медведь», «полярная звезда» были широко распространены в польской и галицийской антирусской публицистике перед Первой мировой войной.

Этот документ был хорошо известен советскому руководству. Н. Хрущев обрушился с обвинениями на Р. Никсона в ходе его визита в Москву. Тот же, осознавая, что требование в федеральном законе расчленения государства, которому он наносит визит, вопиюще противоречило международному праву, смущенно оправдывался и даже назвал решение Конгресса «глупым». Добрянский и его «Комитет по празднованию недели порабощенных наций» были весьма возмущены «капитулянтской» позицией Никсона и организовали требование опубликовать содержание бесед Никсона с Хрущевым, озвученное сенатором Фулбрайтом. Тем не менее, этот эпизод и резолюция были скрыты от советской общественности и даже не стали разрешенной мишенью для обстрела советским агитпропом.

Так, вплоть до перестройки важнейший аспект противостояния остался за официальным кадром борьбы, как на мировой арене, так и внутри СССР. Обе стороны предпочли сделать официальным знаменем борьбу коммунизма и либерализма. Ответить на вызов, не пересмотрев марксистско-ленинскую концепцию русской истории и не реабилитировав русскую историю, было невозможно. Для американской стороны открыто требовать расчленения СССР, основателя ООН, с которым США были в дипломатических отношениях, было не только неплодотворным, но вопиюще противоречило международному праву, хотя сенатор Г. Хэмфри настоятельно требовал в Сенате включать положения этой резолюции в программы всех международных форумов и, прежде всего, готовящейся встречи в Женеве³².

Начиная с Кеннеди, ежегодные подтверждения цитировали резолюцию Конгресса сокращенно, опуская пункты с упоминанием советского господства, что позволяло трактовать ее как абстрактную заботу о порабощенных нациях вообще в мире. Симптоматично, что и в американской литературе по международным отношениям этот эпизод забыт. Неудивительно, что враждебность к СССР на протяжении советской истории всегда возрастала, когда планы дробления России «ради победы коммунизма во всемирном масштабе» в духе III Интернационала отступали, и, наоборот, сменялась доброжелательностью, когда те же планы возвращались под новым флагом.

Характерной является позиция западной интеллигенции — по своим философским устоям левой и даже поклонницей основ марксизма. Она с сочув-

ствием относилась к идее революции и к большевистской России и закрывала глаза на «красный террор», когда физически уничтожались коренные русские сословия. Певцами русской революции были всемирные литературные и общественные знаменитости, отказавшиеся, как Р. Роллан, Ж. П. Сартр и другие, осудить революционный террор. В 1950-е годы западные интеллектуалы отвернулись от СССР и осудили репрессии, но не против носителей национального и религиозного начала, а лишь те, что гильотинировали октябрьских Робеспьеров, когда «революция, как Сатурн, начала пожирать собственных детей».

Либералы разочаровались в СССР, но не в идее революции. Послевоенный СССР уже не удовлетворял мировой левый дух революций и ниспровержения как раз потому, что внутренне идеологически уже утратил импульс антихристианского вызова миру, перестал «в нужной мере» быть анти-Россией. Вместо бунта против любых исторических и духовно-культурных устоев и традиций, каким был Октябрь 1917, Май 1945 превратил СССР в державу с интересами, вполне определяемыми, несмотря на идеологические искажения, традиционными критериями, и соблюдающую правила игры на мировой арене, а внутри страны создал жесткую общественную иерархию и вовсе не левую, а право-консервативную систему ценностей, весьма отличную от раннебольшевистской.

Но именно это и сделало послевоенный СССР объектом отторжения.

Что касается постсоветских либералов-западников, то они под флагом антикоммунизма очевидно щадили *ортодоксальных большевиков и пламенных революционеров — истинных носителей марксизма*, умалчивая об их открытом неприятии всего, что составляло русское национальное и православное начало, по-видимому, *потому что разделяли его*. Они, став передовым отрядом перестройки, весьма избирательно обрушивались на историю. Они не поведали о терроре ленинской гвардии, в 1980-х годах еще не известных обществу, ибо пришлось бы реабилитировать объект их преступлений — «единую и неделимую» Россию.

Новомышленники, искусно направляя обличения исключительно на «сталинизм», намеренно ограничивались 1930-ми годами. Однако, историки знают, что тот период был *по критериям репрессий* лишь *вторым* актом драмы после чудовищных двадцатых, но среди жертв уже оказались сами разрушители России. Вопреки заблуждению, репрессии 1937 уступали красному террору 1922–1924 годов. По сравнению с А. Луначарским, Ю. Лариным, П. Стучкой — основоположником теории революционной законности А. Вышинский — «ренегат», возродивший на смену «революционной целесообразности» «буржуазные» понятия меры вины и меры наказания. На фоне явно-го пиетета по отношению к Ленину, особая ненависть Запада и внутренних «советских западников» к Сталину объясняется отнюдь не вкладом в злодеяния.

Сталин, учившийся в духовной семинарии, по-видимому, прекрасно понимал историософский неизменный смысл устремлений Запада в отношении мира и России. В отличие от «европоцентризма» ортодоксального большевизма и позднесоветского диссидентства он глубоко презирал «декадентский» Запад со всем его ценностным багажом и не имел никакого комплекса неполноценности или моральной зависимости от него. После подчинения в 1920-е годы советской экономики интересам американских банкиров, сталинская стратегия и в 1930-е, и, тем более, на рубеже 1940–1950-х годов, жестко повернула против Запада во всех его попытках использовать СССР и его ресурсы (прежде всего сырье) в своих интересах.

Хотя Сталин не успел ничего предпринять, возможно, он имел собственные планы мировой гегемонии. Это отнюдь не сулило ничего хорошего русскому народу, который и для него был лишь инструментом, что типично для демонов революции. Но Запад, сознавая, что Сталин видел насквозь все его планы, ненавидел и боялся его вовсе не за его вклад в содеянные злодеяния, а за создание вместо Великой России новой формы великодержавия, что сделало страну геополитической силой, равновеликой всему Западу и препятствием на его пути.

Развенчание Хрущевым «культы» Сталина было сформулировано таким образом (частное извращение «ленинских идеалов»), который вполне устраивал долгосрочные интересы Запада. Из всего периода массовых репрессий (1920-х — нач. 1950-х годов) только «1937», «культ Сталина» и «сталинщина» были сделаны в сознании советских людей единственным символом ужаса.

Такая полуправда, что опаснее лжи, позволила затем увязать с террором и морально обесценить восстановление государственных основ, память о войне и величии Победы, а не суть содеянного с Россией, до сих пор обходить обсуждение близких Западу и нынешним либералам целей революции, прямо планировавших истребление, и главное преступление Февраля и Октября 1917 — уничтожение религиозно-национальной ипостаси России и произвольное расчленение ее на выкроенные образования, уничтожение в 20-е годы коренных русских сословий, носителей национального и религиозного начала.

Ни Мюнхена, ни Ялты

Распространение «торжества» демократии стало идеологической мотивацией западной стратегии в Европе в 1990-е годы. Цель заключалась в том, чтобы подменить итоги Второй мировой войны на итоги «холодной войны». Именно под этим лозунгом и велась (и оправдывалась) все та же «борьба за вселенские идеалы» против «оставшихся тоталитарных режимов» — сначала СССР, потом Югославии, далее везде. Вот ключ к пониманию беспрецедентных слов Дж.Буша на праздновании приглашения Литвы в НАТО 23 ноября 2002: «Мы знали, что произ-

вольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. **Больше не будет Мюнхена, больше не будет Ялты».**

Это не что иное, как объявление ялтинской системы тождественной гитлеровской агрессии. Заметим, что никакие другие изменения европейских границ Ялтинско-потсдамской системой, кроме территориальных решений в пользу СССР, не вызывают сегодня нездоровый интерес. Их пытаются представить результатом «экспансионизма» сталинского тоталитаризма. Это не что иное, как полная ревизия духа и смысла Второй мировой войны и сотрудничества в ней Антигитлеровской коалиции.

Отречение от общих задач в войне и от результатов общей победы стран антигитлеровской коалиции — это вызов исторической памяти не только русского, но и американского народа. Тысячи и тысячи американцев и англичан самоотверженно сражались на полях Второй мировой войны, и мы не опустимся до того, чтобы забыть их подвиг. Вечная им слава, нашим братьям по оружию!

В то же время подлинная историческая память намеренно стирается: геополитический проект Гитлера — уничтожение целых государств и наций и лишение их национальной жизни — забыт. Но, если мы никогда не забываем страдания евреев³³, то почему же мировое сообщество и сами евреи парадоксально взирают с растущей лояльностью на наследников фашистских легионов Прибалтики, Украины, Белоруссии, руки которых обагрены кровью тысяч евреев и тысяч славян? Почему славяне вообще не упоминаются в качестве жертв гитлеровского геноцида? Уж не потому ли, что это дает возможность обвинять в фашизме тех, кто оказал гитлеровской агрессии наибольшее сопротивление и сделал невозможным повторение Освенцима?

Такое изменение акцентов отвлекает внимание от очевидного факта, что все, происходящее в Европе после разрушения СССР, удивительно напоминает геополитические конфигурации прошлых попыток Дранг нах Остен в XX веке.

Война продолжается, но против кого?

Происшедшее в последнее десятилетие должно было бы побудить задуматься. Сакраментальное высказывание Н. Данилевского о противостоянии России и Европы в XIX веке, маскируемом до Берлинского конгресса наличием некоей фантазмагии — турецкой империи, может быть перефразировано: пока между Россией и Западом «стояла коммунистическая фантазмагория», истинных причин холодной войны можно было и не заметить, когда же «призрак рассеялся», «нам ничего не остается, как взглянуть действительности прямо в глаза». Давление на некоммунистическую Россию лишь увеличилось.

Но карта расширения НАТО, как две капли воды, похожа на карту пангерманистов 1911, когда Германия кайзера Вильгельма ставила практически те же

цели, что потом гитлеровская Германия: Прибалтика, Украина, Крым, Кавказ. А в результате — «отсечение от двух морей — Балтийского и Понта Евксинского», которые сделали Россию в свое время державой, без которой «ни одна пушка в Европе не стреляла». А нам все твердят об СССР, соперничающим с гитлеровской Германией за мировое господство!

Скорее, судя по сегодняшнему Дранг нах Остен, можно подумать, что борьба с Гитлером со стороны англосаксов была семейным спором о владычестве над миром. Разве под припев о продолжении борьбы за вселенскую демократию НАТО не устремилась на Восток, обосновав этим даже агрессию против Югославии? Сначала объектом была «империя зла» — после того, как она сдала все свои геополитические позиции, — им стала антиатлантическая Югославия, потом Афганистан, затем «недемократический» Ирак, который, якобы, уже только поэтому готов употребить оружие массового поражения против вселенской демократии. Именно таков смысл интерпретации современной истории в письме Е. Боннер и В. Буковского, призывавших Америку не останавливаться на достигнутом и продолжить борьбу, включив в число целей — нынешнюю Россию, осмелившуюся сопротивляться давлению.

Это оскорбление России, разрушенной дотла фашистской агрессией и отдавшей 20 миллионов жизней не только за право на собственную историю. Они погибли в том числе и за то, чтобы поляки, эстонцы, латыши и литовцы не прекратили бы свою национальную историю вообще. По нацистскому плану они должны были бы едва читать на немецком географические указатели в «Ингер-манландии». В СССР у них были и страдания, но они стали академиками и генералами, литераторами и изобретателями и награждались Государственными премиями. Это проявления оккупационного режима?

Теперь Латвию патрулируют натовские самолеты, а этнократический режим лишает русских права на язык и культуру, гражданских прав на том основании, что Латвия была под оккупационным режимом. Президент Латвии Вике-Фрайберге не постеснялась сказать, что «русские должны стать латышами русского происхождения». Это принудительная ассимиляция или вытеснение из страны. И вот парламентарий Кириштейнс — Председатель Комитета по международным делам латвийского сейма — уже требует «вывести всех оккупантов на поезде». Такая демократия теперь — норма «объединенной» Европы, представляемой эталоном для всего цивилизованного мира. Не похоже ли *именно это* на нацистские времена? И какую реакцию вызвало бы гипотетическое требование какого-нибудь российского президента, чтобы, например, татары стали «русскими татарского происхождения»?

Множественно увеличившееся давление на некоммунистическую Россию, очередное вытеснение ее на Северо-Восток Евразии ведется под самыми

фарисейскими за всю историю лозунгами. Поистине не схватка «идеологий раскола» и не «борьба демократии и тоталитаризма» составляют суть истории XX века. Похоже, опять «нельзя терпеть на Востоке такого колоссального государства».

«Вот уже полтора столетия Запад боится России» — горько заметил Иван Ильин в годы «холодной войны», и мало что изменилось в век «общечеловеческих ценностей». Он прав: «никакое служение общеевропейскому делу не меняет этого отношения — ни освобождение Европы от Наполеона, ни спасение Пруссии в 1805–1815, ни спасение Австрии в 1849 и Франции в 1875, ни миролюбие Александра III, ни Гагская конвенция, ни жертвенная борьба с Германией в 1914». Добавим, ни освобождение Европы от тотального уничтожения Гитлером, ни, наконец, даже самоустранение России как великой державы. «Для них Россия, — с горечью делает вывод И. Ильин, — это загадочная, полуварварская «пустота»; ее надо евангелизировать или обратить в католичество, «колониализовать» (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих целей и интриг, а, впрочем, — ее необходимо **всячески ослаблять**».

На этом поприще неустанно трудится З. Бжезинский³⁴, называющий Россию «черной дырой» и на каждой странице бросающий замечания об отсталости и культурной неполноценности русских уже не только перед Западом, но и перед всеми народами мира и населяющими историческое государство Российское, повторяя схожие сентенции Р. Пайпса.

Современная пресса Запады демонстрирует такой антирусский накал, которого не было даже в период «холодной войны». С удивительной преемственностью просматривается и гегелевская теория исторических и неисторических народов, и нетерпеливая злоба Ф. Энгельса, предвкусившего исчезновение антиисторичных славян и имманентно реакционного русского народа. Однако, вспомним, что эта преемственность имеет не полуторавековую, а почти тысячелетнюю историю. Этот мотив антихристианства и варварства православных славян звучал еще в письме Бернарду Клервосскому, вдохновителю первого крестового похода, от Епископа Краковско-Матфея, который побуждал к крестовому походу против русских варваров.

Пока общественное сознание России не освободится от иллюзий «вхождения в так называемое цивилизованное сообщество», которое ее совсем не ждет, именно это сообщество будет все так же триумфально пожинать плоды нашего национального упадка и безволия.

Запад всегда будет приветствовать только такого российского лидера, который окажется сугубым западником — не столь важно, либерально-космополитического или классово-интернационального толка.

Запад будет всегда демонизировать лидера, который хочет сильной и самостоятельной России. Это

подтвердил С. Хантингтон, первым из маститых политологов Запада указавший на глобальный характер цивилизационного противостояния именно после краха коммунизма, ибо идеологическое противостояние между либеральным Западом и его коммунистическим оппонентом — дискуссия в рамках одного мировоззрения, тогда как возрождение подлинного религиозно-исторического лица России делает ее уже представителем иного мирового проекта.

Мы видим, как только Россия начинает «сосредотачиваться» и искать формы самовосстановления и укрепления, восстанавливать контроль за своими ресурсами, ее обвиняют в фашизме и отступлении от демократии.

Окончательное крушение всей русской истории — вот назначенная цена за мнимое место в мировой олигархии для той постперестроечной элиты, что до сих пор почитает «нецивилизованным» далее слабо возражать против уничтожения уже не только российского великодержавия, но и самой русской исторической личности во всех их геополитических и духовных определениях.

Сопrotивление — это возврат к «тоталитаризму», а любая защита национального достоинства и истории — это «русский фашизм». Но только слепец не увидит за этим клише извечные западные фобии в отношении Православия и России, рядившиеся в разные одежды, но единые для папского Рима и Вольтера, для де Кюстина и К. Маркса, для Ленина с Троцким, но и для кумиров московских либералов А. Сахарова, В. Новодворской, электрификаторов и трубадуров либеральных империй — «царизм», «русский империализм», «филофейство», «византийская схизма», «варварство варягов» и «любовь к рабству».

Поистине наша национальная катастрофа есть плод очередного самоуничтожения и комплекса культурной неполноценности российской интеллигенции, воплощенного то либералами XIX века, то ранним большевизмом, то диссидентами и номенклатурно-партийной и интеллектуальной элитой эры Горбачева, наконец, первым постсоветским истэблшментом.

Но, как и прежде, главным инструментом разрушения является манипуляция нашим историческим и национальным самосознанием.

Это поднимает перед всем русским обществом огромные проблемы излечения болезни национального сознания и более глубокого осмысления собственных грехов, своих потерь и обретений. Подлинная причина катастрофы и неспособности русских панорамно оценить все, что происходит с ними и Россией — есть духовное ослепление и оскудение в силу отпадения от Православной веры, давшей в свое время русским смысл их исторической жизни и необычайную энергию и способность к творческому акту в мировой истории. Утрата христианского чутья ко злу и его источнику, к подменам и иллюзорным соблазнам привела к исчезновению чувства личной и со-

борной ответственности за себя и каждого, за нашу поруганную Победу, за русское присутствие в мире.

Вовлечение России как явления мировой истории и культуры в очередной глобальный проект очень напоминает драму и утраты России при столкновении с первой универсалистской идеей XX века под флагом марксизма. Если бы окружающий мир в 1917 был менее скован войной и ее последствиями, он воспользовался бы нашей драмой еще активнее, и геополитические потери нашей страны были бы куда страшнее.

Путь, судьба и итог СССР показали, что исторически жизнеспособная и «национальная государственность» должна опираться на дух народный, который составляет нравственное могущество государства, подобно физическому нужное для его твердости³⁵. Держава и нация, впитав «дух народный» в годы Великой Отечественной войны, испытала взлет могущества на мировой арене, но потом вновь растеряла его, тщась строить коммунизм, и при столкновении с очередным глобалистским соблазном пришла к распаду, к кризису самосознания и нигилизму к своей истории.

Сегодняшние итоги и задачи вызывают к чувству национальной солидарности не перед внешним врагом, а для духовно-исторического делания и продолжения исторической жизни. Они призывают бедного и богатого, простого и образованного, старого и молодого. Ибо нация, способная сохранить себя в истории, это не простая сумма индивидов, а преемственно живущий организм с целями и ценностями национального бытия, с общим духом и верой, представлениями о добре и зле, с общими историческими переживаниями. Именно это и делает из народонаселения нацию, способную к творческому историческому акту.

Те, кому знакомо чувство во время вдохновенной молитвы на литургии, прекрасно знают чувство принадлежности к Соборной Церкви — соединяющей с Христом всех верующих — ушедших, нынешних и будущих. По этому образу будем стремиться к освященному Духом чувству принадлежности к своему Отечеству.

Нас разделяют символы прошлого, но должны объединить задачи будущего.

Сегодня же защитим от поругания нашу Победу и нашу Родину!

Послесловие Европе

Вселенская дилемма «Россия и Европа», которую не обошли вниманием почти все крупные умы России прошлого, опять встает перед нами, поскольку дискуссия о Войне и нашей Победе, точнее сказать — травля России — разворачивается на фоне очевидного передела мира и соперничества за российское наследство. Но давление обрело знакомые очертания — граница его опять проходит именно там, где Священная Римская Империя и Ватикан, Речь Посполитая, Наполеон и Габсбурги, Германия

кайзера Вильгельма и Гитлера стремились отеснить русских на Северо-Восток Евразии, от Балтики и Черного моря, овладеть византийским пространством, а вездесущая Британия противодействовала России из ее южного подбрюшья — Центральной Азии.

Вряд ли Россию и русских возможно еще раз соблазнить каким-нибудь «новым мышлением» и химерой общечеловеческих ценностей. Слишком очевидно, что весь остальной мир тем охотнее воспользовался испытанным старым и прибрал к рукам все, что отдавали прозелиты. Очередной передел мира меньше всего отражает борьбу идеологий двадцатого столетия, которая на самом деле вовсе не так, как казалось, определяла международные отношения даже в период «холодной войны». Демагогические толкования результатов соперничества «тоталитаризма и демократии», увы, слишком напоминают штамп марксистского обществоведения о «главном содержании эпохи — переходе от капитализма к коммунизму». Главное содержание «нашей эпохи» — последнее десятилетия XX века — уничтожение сначала потенциально равновеликой всему совокупному Западу геополитической силы, затем самостоятельной исторической личности с собственным поиском универсального смысла человеческого бытия.

Латинские Венгрия и Чехия бегут в НАТО не от коммунизма, а от чуждой России. Только возвращаются они не в «пост-габсбургский» ареал, но в атлантический мир. По канонам англосаксонской стратегии XX века Восточная Европа больше никогда не должна входить ни в орбиту немцев, ни в орбиту русских: «Больше не будет ни Мюнхена, ни Ялты».

Не стоит удивляться и католической Польше, сочувствующей чеченским головорезам, если вспомнить, что польский кумир Адам Мицкевич «угас» где-то в Константинополе, куда он отправился «устраивать польский казачий легион» (А. Герцен), чтобы в Крымской войне воевать на стороне «цивилизованной» Оттоманской Турции против «варварской» России.

Балто-Черноморская дуга — это старый проект XVI века, отрезающий Россию от выходов к морю, а Косово поле — единственная природная равнина на Балканах, где танки НАТО могут пройти к Салоникам. Папа Иоанн Павел II, назвавший только украинцев наследниками святого Владимира и последовательно насаждавший католические епархии в России, продолжил дело Папы Урбана VIII, взявшего после Брестской Унии 1596 года: «О мои русины! Через вас-то я надеюсь достигнуть Востока». Наконец, торжествующие англосаксы вступают «миротворцами» в Кабул и Месопотамию — вожденный приз Британии еще в Первую мировую войну. Одна из главных целей сегодняшнего передела мира — контроль над природными ресурсами: за это ведутся войны современности. В этом процессе важнейшую роль играет изоляция России от Средиземноморья, Черного моря и Каспия. Это —

северная граница **Мирового энергетического эллипса**, обнимающего Аравийский полуостров, Ирак и Иран, Персидский залив, Северный Иран, российское Предкавказье.

Южная кривая, начинаясь от того же Средиземного моря, призвана соединить англосаксонские позиции в Турции через Персидский залив — Ирак и Иран — с Пакистаном. Эллипс замыкается в Афганистане. Заметим, что этот регион примыкает к Украине, Молдове, Кавказу и Закавказью. Это объясняет втягивание в атлантическую орбиту территорий от Балтики до Черного моря, истерическую травлю Белоруссии — недостающей части мозаики, — борьбу за вытеснение России из Крыма, вовлечение Грузии в американскую орбиту и придание чеченскому уголовному мятежу ореола национально-освободительного движения.

Задача евразийской стратегии Вашингтона — обеспечить себе решающий контроль над мировыми ресурсами и необратимо отстранить от рычага управления этими ресурсами все потенциальные центры силы. Общим целям служит чеченский конфликт после того, как он из обыкновенного уголовного мятежа превращен в инструмент мирового проекта.

Но исламский экспансионистский импульс всегда имел не исламского дирижера. Британскую шхуну «Виксен» в 1835 застали у берегов Кавказа, где она выгружала оружие для черкесов. И разве комический лорд Джадд, создающий «чеченские комитеты» при Совете Европы, не повторяет лорда Пальмерстона, который создавал «черкесские комитеты» на Парижском конгрессе 1856 после Крымской войны? Нам же все твердят о борьбе за демократию.

Подобно тому, как «идеологическая борьба» коммунизма и «свободного мира» после мая 1945 года заслоняла борьбу против Ялты и Потсдама и территории исторического государства Российского, нынешняя демагогия призвана заслонить дальнейшее отеснение России на Северо-Восток Евразии, где обустройство рабочего места в 6 раз дороже, чем в Европе, глубина промерзания — 3 метра, отопительный сезон 9 месяцев.

И все же, защищая свои рубежи и присутствие, свое историческое и национальное достоинство, ограждая от глумления нашу Победу, мы предлагаем считать это общим праздником и общим историческим уроком и еще раз, хотя уже не наивно, предлагаем руку Европе и миру.

Европа весьма способствовала формированию однополярного мира и праздновала утрату Россией ее позиций на Балтике и на Черном море. Российское великодержавие в конце XX века было объявлено угрозой и Европе, и идеалам прогресса — суверенитету, самоопределению, равноправию, демократии, правам человека. Но, когда Россия самоустранилась, в тот же миг именно эти основы были попорчены.

Поддержанная Европой агрессия против Югославии — суверенного государства, основателя ООН

и участника Заключительного акта Хельсинки — знаменовала упадок целой эпохи европейской истории. Начавшийся далее поэтапный передел мира с почти ежегодными интервенциями в суверенные страны не только имеет неевропейскую конечную цель, но и неизбежно влечет перегруппировку сил в самом Западе, что стало вполне ясным после приема в НАТО восточноевропейских и прибалтийских государств.

И в тот момент, когда Россия окончательно утрачивает обретения Петра Великого, не дававшие покоя «старушке Европе» с XVIII века, «закат Европы» и утрата ею положения центра всемирно-исторических событий станет свершившимся фактом.

Специфика нынешней ситуации в том, что стратегические потери России не перейдут на этот раз к ее прежним континентальным соперникам или соседям, сохраняя европейскую направленность исторического импульса и геополитического проекта. Возвращение Прибалтики, Венгрии, Чехии, Польши, балканских государств в западный ареал вовсе не будет реваншем «старой» Европы, даже если она бы еще и ощущала в себе зов предков от крестоносцев до Бонапарта. **Все геополитические сдвиги встраиваются в совершенно иные конфигурации, и чем больше этих новых перемен, тем меньше эти конфигурации служат самой Европе.** Они служат в эпоху технократического глобализма глобальному управлению и евразийскому проекту.

Старая Европа, похоже, только сейчас ощутила, но неизвестно, осознала ли, что одно из следствий этого передела — это неизбежное падение ее собственной роли в мире и как союзника Вашингтона. США вышли на такие рубежи, где «старая Европа» уже не стержень интересов Вашингтона, а всего лишь обеспеченный тыл, в чем она убедилась слишком поздно, как и в том, что не российское великодержавие угрожает ее роли в мировой политике, а, наоборот, его упадок.

Тезис Рамсфелда о большей важности «новой Европы» — антирусских Польши, Чехии и Прибалтики, — действительно отражает принципиальные изменения в геополитическом мышлении части американского истеблишмента, которое устремлено в Евразию, нацелено на глобальное управление и структуризацию под американской эгидой куда более широкого региона. «Укрепление с помощью трансатлантического партнерства американского плацдарма на Евразийском континенте» нужно Вашингтону вовсе не для обороны западной части континента от угрозы с Востока, а для того, чтобы «растущая Европа» стала для США «реальным трамплином продвижения в Евразию». Так сформулировал З. Бжезинский³⁶. Почему это не насторожило Европу?

«Новая» Европа

Для глобального управления миром сегодня важнее новая Европа — не ее, конечно, «мнение», которое никто не спрашивает, а ее расположение

в сплошной меридианальной зоне от Балтики до Черного моря. Эта зона — стратегический подступ к протянувшемуся в широтном направлении «евразийскому геополитическому эллипсу».

Президент США Дж. Буш произнес в высшей степени знаменательные слова, которые мы уже приводили: «Мы знали, что произвольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. **Больше не будет ни Мюнхена, ни Ялты**». В России это высказывание предпочли не заметить, однако в нем — квинтэссенция атлантической геополитики в Старом Свете. В устах американского президента формула «ни Мюнхена, ни Ялты» буквально означает: **«Восточная Европа не будет отныне сферой влияния Германии или России — она будет сферой влияния США».**

Противопоставление Д. Рамсфелдом «новой» (Восточной) Европы — Европе «старой» подразумевает перемещение геополитического центра континента на восток, в страны — новые члены НАТО. Эти высказывания обнаруживают глубокую удовлетворенность Вашингтона достижением одной из главных целей всей геополитической стратегии англосаксов XX века — овладением Восточной Европой, значение которой превосходно выразил выдающийся русский политический географ В. П. Семенов-Тянь-Шанский: это ключевой регион между «двумя Средиземными морями — Балтийским и Черным», и тому, кто контролирует этот регион, обеспечена роль «господина мира»³⁷.

Обе мировые войны и «холодная война» велись во многом за Восточную Европу; Западная — «старая» Европа была объединена, в том числе для того, чтобы растворить Германию и послужить трамплином для прыжка на Восток.

Будущее России — это будущее Европы

Объединение Европы сегодня стало неоспоримым идеалом и ценностью исторического развития. Однако эти цели можно ставить в совершенно разных плоскостях мышления. От того, какую идею единения в грядущем периоде истории выберут Европа и Россия, во многом будет зависеть судьба тех идеалов, которые сделали нашу национальную историю и культуру явлением мировой истории, и судьба и роль нас самих в этой истории.

Можно рассматривать мир и Европу лишь как гигантское хозяйственное предприятие, нуждающееся в постоянной оптимизации. Но на таком пути ценность исторического наследия перестает играть роль по сравнению с технократической целесообразностью.

Для гигантского киборга нет разницы между микрочипом и Платоном, Шекспиром, Гете и Достоевским. В этом проекте униформного пространства нет места не только православной России, но ни одной из великих духовных и национальных традиций человечества, в том числе и великой европейской культуре.

Русским чисто материалистический идеал и подход знаком, и они лучше других знают, что он обречен. Однако максимального величия Европа достигла тогда, когда ее история была воплощением целей и ценностей человеческого духа и национального бытия, то есть, когда она жила «не хлебом единым». Да и коммунистический и сугубо материалистический СССР поднялся на пик могущества только после того, как война востребовала национальный дух и возврат к традиционным ценностям Отечества, долга, самопожертвования.

Разве не очевидно сегодня, что вовсе не российское великодержавие представляло угрозу Европе как самостоятельной геополитической и культурно-исторической величине, и возможности конструктивного взаимодействия на континенте?

Сотрудничество России и Европы действительно может дать обеим мощный и столь необходимый импульс на пороге Третьего Тысячелетия Рождества Христова. Им обеим нужно, чтобы Россия вернула роль системообразующего фактора международных отношений.

Как никогда назрела совсем иная культурно-историческая парадигма взаимодействия в Европе.

Не пора ли Европе отказаться от тиражируемого сегодня, как никогда, уничижительного образа России?

Новые вызовы не побуждают ли по-новому взглянуть на «дилемму Россия и Европа»? Она ведь не изжита именно Западом.

Именно Европа, которая уже построила свой рай на земле, все так и не избавилась от своего нигилизма к русской истории, чувства неуверенности перед ее громадностью, потенциальной самодостаточностью и необычайной устойчивостью в испытаниях, перед вечно самостоятельным поиском универсального смысла бытия. Россия своим сопротивлением переделу мира и поствизантийского пространства в пользу радикальных параисламистских стратегий защищает собой западный мир.

Неужели «Европа в отношении России», все так же, как и во времена Пушкина, «столь же невежественна, как неблагодарна»?

Пусть «новая» Европа в своей «эйфории роста» пока тешит себя образами «полуазиатской Московщины и цивилизованного Запада» — эта эйфория столь же естественна, сколь недолговечна. Пусть шумят на российского слона Рига, Прага, Варшава. Но пришло время серьезно задуматься с обеих сторон об отношениях России с немцами и французами.

Несмотря на многовековое противостояние, великая романо-германская и русская православная культуры имеют единую апостольско-христианскую духовную основу. Европейцы и русские дали примеры наивысших форм латинской и православной духовности, западноевропейец и русский — мировые гении выразили и две разные формы отступления от Бога — гетевский Фауст воплотил скепсис и сомнение горделивого западного ума, не терпящего над собой никакого судии. Иван Карамазов Достоевского выразил пламенный вызов Богу русской гордыни, не желающей смириться с попущением несправедливостей и грехов окружающей жизни.

Мы же и воевали жестоко, значит, сегодня, в год Победы над фашизмом, на нас — особая ответственность за выбор будущего Европы и форм ее единства.

Подлинное единство — не в новых разделительных линиях — они ведь не новы и слишком напоминают конфигурации многовекового Дранг нах Остен, теснившего славян от Балтийского и Черного морей. Но континентальной Европе сегодня это ничего не дает.

Подлинное единство и не в диктате идеологических стандартов Совета Европы — это тоже не ново — так действовал Третий Интернационал.

Подлинное единство, которое может принести подъем и самостоятельность Европе, — в признании вселенской равноценности наших опытов. Будущее — в конструктивном соединении исторического наследия и творчества всех этнических, конфессиональных и культурных составляющих Европы: германской, романской, и славянской, Европы латинской и Европы православной.

А будущее России — это будущее Европы.

¹ См.: Янов А. Л. Русская идея и 2000-й год. Нью-Йорк. 1988; «Нева», 1992. № 9–12.

² См.: The Intimate Papers of Colonel House. London, 1928. V. IV. P. 202–204.

³ Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. II. Wash. GPO, 1942. P. 477.

⁴ Ibid, Memorandum by A. W. Dulles. 30 December 1918. P. 481–482.

⁵ Ibid, «Ambassador of the USA in Britain (Davis) — to acting Secretary of State». London, 20 Dec. 1918. P. 479.

⁶ Мацкевич Ю. Победа провокации. Лондон (Канада), 1983, С. 91–94.

⁷ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Книга 2, С. 209.

⁸ Ян Эгберт. Исследования проблем мира и конфликта «Восток — Запад». Доклад Гессенского фонда исследований проблем мира и конфликтов. М., 1997. С. 183. (Выделено автором.)

⁹ Письмо от 10.XII.1937 г. Архив Президента Российской Федерации. «Источник», Родина. 1993, № 2. С. 32–34.

¹⁰ Цит. по Г. Федотов. Полное собрание статей. В четырех томах. III, Тяжба о России. (Статьи 1933–1936 г.) Париж, YMCA-Press. 1982.

¹¹ Тойнби А. Дж. Византийское наследие России. Цивилизация перед судом истории, М., 1996, С. 157.

¹² Toynbee A. J. The World and the West: Russia. The Listener, 1952, 20 November.

- ¹³ CIA Cold War Records. Selected Estimates on the Soviet Union. 1950–1959. History Staff. Center for the Study of Intelligence. Central Intelligence Agency. Wash., D.C., 1993. P. 139, 228.
- ¹⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 авг. 1945 г.). Сборник документов. М., 1945. С. 159.
- ¹⁵ АВП РФ. Фонд 0431, оп. 1, док. № 18а, папка № 1, листы 27–28.
- ¹⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С-Пб. 1995; С. 41.
- ¹⁷ АВП РФ. Фонд Об, оп. 1, п. № 12, дело 126, л. 60.
- ¹⁸ Foreign Relations of the United States. The Soviet Union. 1933–1939. Wash., GPO, 1952, P. 965.
- ¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т. 6. М., 1957, С. 289–306.
- ²⁰ Там же, Т. 37., М, 1965, С. 317.
- ²¹ АВП РФ. Фонд 0431 (II), опись № 2, док. № 48, папка № 11, листы 80, 83.
- ²² Nolte Ernst. Der Europäische Bürgerkrieg. 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschevismus. Propilaen. 1997.
- ²³ Тьерри де Монбриаль. Память настоящего времени. М., 1997. С. 54.
- ²⁴ Пайпс Ричард. Три «почему» русской революции. М., 1996. С. 30–40.
- ²⁵ «The Charge in Lithuania (Guffler) — to the Secretary of State.» Foreign Relations of the United States. The Soviet Union. 1933–1939. Wash. GPO, 1952. P.936.
- ²⁶ Очерки истории Российской внешней разведки. В шести томах. Т. 3., 1933–1944 годы. Приложение. М., 1997. С. 468.
- ²⁷ АВП РФ. Фонд 0512. Опись 4. № 213. папка 25, лист 3.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Brzezinski Zb. How the Cold War Was Played. Foreign Affairs. Oct., 1972. P. 182–183.
- ³⁰ Congressional Record. Proceedings and debates of the 86th Congress. Vol. 105, P. 9. Wash., GPO, 1959.
- ³¹ Dobryansky Lev. E. The Vulnerable Russians. New York. 1967.
- ³² Congressional Record. Proceedings and debates of the 86th Congress. Vol. 105, K 9, Wash., GPO, 1959, P. 13678–13679.
- ³³ Лидия Ивановна Подолякина-Нарочницкая, будучи членом партизанского отряда, держала под полом девушку-еврейку в течение шести месяцев в обстановке, когда гитлеровцы заходили в дом ежедневно с оружием наперевес. Полагался расстрел на месте. Лидия Ивановна прошла гитлеровскую тюрьму, допросы, концлагерь, из которого бежала и была награждена медалью «Партизану Великой Отечественной Войны».
- ³⁴ Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. М., 1998.
- ³⁵ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. С-Пб. 1914. С. 28.
- ³⁶ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М., 1998.
- ³⁷ Семенов-Тянь-Шаньский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. СПб. 1915 г.